

Элизабет Вернер

Дорогой ценой

Элизабет Вернер

Дорогой ценой

«Public Domain»

1878

Вернер Э.

Дорогой ценой / Э. Вернер — «Public Domain», 1878

«Под ярким летним солнцем широко распростерлась зеркальная гладь озера, в которой картинно отражался живописно раскинувшийся на его берегу город. Далеко на горизонте на фоне голубого неба четко рисовались покрытые снегом зубчатые вершины гор...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	25
Глава V	34
Глава VI	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эльза Вернер

Дорогой ценой

Глава I

Под ярким летним солнцем широко распростерлась зеркальная гладь озера, в которой картинно отражался живописно раскинувшийся на его берегу город. Далеко на горизонте на фоне голубого неба четко рисовались покрытые снегом зубчатые вершины гор.

Среди вилл и садов предместья скромно приютилась небольшая дачка – одноэтажный домик, скромный снаружи и, по-видимому, не скрывающий и в своих стенах особенной роскоши. Единственным его украшением была открытая веранда, вся увитая побегами дикого винограда; тем не менее благодаря светлым стенам и зеленым жалюзи на окнах домик выглядел очень милым и приветливым.

Вдоль веранды, защищенные от жарких солнечных лучей ее тенью, оживленно беседуя, прохаживались двое мужчин. Старшему было лет пятьдесят, но он казался рано состарившимся, – спина его сутулилась и волосы совершенно поседели. Глубокие морщины на лице свидетельствовали о борьбе и, может быть, о страданиях, перенесенных этим человеком, а резкая, не то горькая, не то саркастическая складка у тонких губ придавала его лицу почти отталкивающее выражение. Только в глазах мужчины еще блестел огонь, который не могли потушить ни годы, ни испытания.

Собеседник его, стройный, среднего роста человек с привлекательными чертами лица и серьезным взглядом голубых глаз, был еще молод. На его высокий чистый лоб падали светло-каштановые волосы, легкая бледность лица не имела в себе ничего болезненного, а лишь указывала на напряженную умственную работу. Лицо молодого человека выражало спокойную твердость, весьма редко встречающуюся в двадцатисеми-двадцативосьмилетнем возрасте.

– Итак, Георг, вы уже хотите покинуть нас? – спросил старший, и в его голосе послышалось сожаление.

– Уже? – усмехнулся молодой человек. – По-моему, господин доктор, я и так слишком долго злоупотреблял вашим гостеприимством. Я никак не думал пробыть у вас несколько недель; но вы приняли меня, чужого человека, связанного лишь университетской дружбой с вашим сыном, как близкого, любимого человека. Такой сердечности я никогда...

– Только без благодарностей за то, что мне самому доставило большое удовольствие! – прервал доктор. – Боюсь лишь, как бы вам не пришлось раскаяться. Едва ли ассессору Винтерфельду легко простят то, что он остановился у нас. Вы помните, я предупреждал вас, что пребывание в моем доме может повредить всей вашей карьере.

Это предостережение, произнесенное ироническим тоном, заставило молодого Винтерфельда слегка покраснеть, и он с живостью ответил:

– Мне кажется, я уже имел случай доказать вам, что сумею оградить свою самостоятельность при любых обстоятельствах. Надеюсь, мое положение не обязывает меня избегать дружеских отношений совершенно частного характера.

– А я убежден в совершенно противоположном, – возразил доктор. – Впрочем, это выяснится по вашему возвращении. Не забывайте, Георг, что вы работаете под начальством Равена.

– Не думаю, чтобы мой начальник заботился о том, как его чиновники проводят свой отпуск, – спокойно заметил Георг. – Правда, он неумолимо строг в отношении всего, что касается службы, но никогда не вмешивается в частную жизнь своих подчиненных. Хотя я и не принадлежу к числу друзей господина Равена, однако должен отдать ему справедливость. Вам ведь известно, что я решительный противник представляемого им направления, а следовательно, и

его личный противник, хотя в качестве подчиненного пока еще осужден на молчаливое повиновение.

– Пока еще? Уверю вас, Равен еще долго будет принуждать вас к такому повиновению и, если вы не проявите желания постичь его науку, постарается придавить и уничтожить вас. Таков стиль всех презренных выскочек.

Георг серьезно покачал головой.

– Вы преувеличиваете. У барона много врагов, и, я думаю, немало людей в тайне питают к нему неприязнь и даже ненависть, но презирать его, вероятно, никто еще не осмелился.

– Тем не менее я делаю это, – горячо воскликнул доктор, – и имею для того достаточно оснований.

Молодой человек молча взглянул на него, а затем сказал:

– Господин Бруннов, простите мне, может быть, нескромный вопрос: что произошло между вами и моим начальником? Услышав только его имя, вы проявляете такое горькое раздражение, которое едва ли вызвано лишь разногласием в политических убеждениях. Вы хорошо знаете его?

– Когда-то в молодости мы были друзьями, – глухо проговорил Бруннов.

– Как? – воскликнул Георг. – Вы и...

– Его превосходительство барон Арно фон Равен, губернатор Р-ской провинции, любимец теперешнего правительства, – закончил доктор, с резкой насмешкой подчеркивая свои слова. – Не правда ли, это удивляет вас?

– Разумеется; я не подозревал ничего подобного.

– С тех пор прошло более четверти века. Тогда его звали просто Арно Равен, и он был также беден и неизвестен, как и я сам. Мы учились в бурное, полное волнений время, и нас сблизила принадлежность к одной и той же партии. Равен, обладавший недюжинным умом, блестящими способностями и неутомимой энергией, вскоре стал нашим вождем; мы со слепым доверием следовали за ним, в особенности я, потому что я любил его, как никого на свете. Он был моим кумиром, на который я взирал с восторженным благоговением, моим идеалом, словом – всем... До того дня, когда он предал меня и нас всех, пожертвовал честью ради честолюбия и продался душой и телом нашим врагам, ценой нашей гибели купив блага себе... Умники, никогда не испытывавшие разочарования, ни разу не пережившие минут отчаяния, называют меня человеконенавистником. Но если это и так, то я сделался им с того самого дня, когда вместе с другом потерял и веру в людей.

Доктор стремительно отвернулся; видно было, как бушевала кровь в этом человеке при одном воспоминании о прошлом.

– Следовательно, слухи о том, что в прошлом барона есть какое-то темное пятно, не бесосновательны? – тихо заметил Георг. – Мне не раз случалось слышать подобные намеки, но история не получила огласки, и в Равене все видят энергичного, неумолимого представителя власти.

– Ренегаты всегда становятся самыми беспощадными преследователями покинутой веры, – мрачно произнес Бруннов, – а Арно Равен всю жизнь отличался каким-то роковым, пламенным, всепожирающим честолюбием. Оно, собственно, было двигателем всех его поступков. Он с ранних лет мечтал о власти и величии, жаждал господствовать, повелевать, и это его желание теперь исполнилось. Карьера Равена почти беспримерна. Из тьмы и бедности он, ступенька за ступенькой, поднимался от отличия к отличию. Он стал зятем министра, любимцем которого был уже давно, добился баронского звания и теперь управляет одной из наиболее важных провинций страны. Он поднялся на высоту, о которой некогда только мечтал.

Однако меня, попавшего благодаря ему в тюрьму и ссылку, проведшего жизнь, полную разочарований, и на пороге старости вынужденного вести борьбу за существование, – меня не обманет его величие. Оно стоило Равену чести.

Бруннов оборвал свою речь и прошелся несколько раз взад и вперед, чтобы овладеть собой. Наконец он опять подошел к Георгу и снова начал:

– Я много лет не касался этой темы, но с вами хочу быть откровенным. Вы не принадлежите к тем людям, в которых, как в слепых и покорных орудиях, так нуждается Равен и которых он только и терпит возле себя. Поэтому, я думаю, наступит час, когда вам придется отказать ему в повиновении, если вы захотите отстоять свои убеждения и свою честь. Будьте тверды, Георг! В том противоречивом чувстве, которое вы питаете к этому человеку, звучит удивление перед ним, и это мне слишком хорошо понятно. Равен всегда обладал какой-то демонической властью над всеми, кто соприкасался с ним; вы тоже не можете совершенно избежать ее, потому я и счел нужным выяснить вам все о Равене. Теперь вы знаете, кто он такой...

– Так я и думал! Они опять увлеклись политикой или своими обычными бесконечными дебатами! – раздался голос позади них. – Я ищу тебя, Георг, по всему дому... Здравствуй, отец!

Молодой человек, подошедший к ним с этими словами, был несколько моложе Георга, но выше и плотнее, а его свежее открытое лицо, ясный взор и густые белокурые волосы были очень привлекательны. Пытливо взглянув на покрасневшее лицо доктора, он продолжал:

– Тебе не следует так горячиться в разговоре, отец. Ведь ты знаешь, как вредно это действует на тебя! Да кроме того, я вижу, ты слишком напряженно работал сегодня.

Он подошел к стоявшему на веранде столу, заваленному книгами и бумагами, и начал перелистывать рукописи.

– Оставь, Макс! – нетерпеливо сказал доктор. – Вместо того чтобы заняться глубокий научным исследованием, ты только производишь беспорядок в рукописях.

– Потому что у меня нет времени на эти исследования. Молодой врач, больничный ассистент, не может позволить себе целыми днями корпеть над книгами. Ты же знаешь, что я по горло завален работой.

– Время нашлось бы, недостает лишь охоты!

– Пусть будет так – недостает охоты. Я предпочитаю врачебную практику и полагаю, что с ее помощью пойду не менее далеко.

– Разумеется, не дальше, чем влечет тебя твое честолюбие, – с нескрываемым пренебрежением в голосе отозвался старик Бруннов. – Во всяком случае ты приобретешь обширную практику и будешь смотреть на свое призвание, как на прибыльное ремесло.

Макс, явно борясь с поднимавшимся в нем раздражением, тем не менее спокойно возразил:

– Разумеется, я постараюсь возможно скорее создать себе свою собственную практику. Ты мог сделать это уже двадцать лет назад, но предпочитаешь писать медицинские труды, которые кроме грошового гонорара в лучшем случае доставляют тебе известность в узком кругу специалистов. Вкусы различны.

– Так же различны, как и наши взгляды на жизнь вообще. Тебе ведь неизвестно, что значит жить ради науки и приносить себя в жертву ей.

– Я ни для чего не хочу жертвовать собой, – упрямо заявил Макс. – Я добросовестно исполняю свой профессиональный долг и считаю это вполне достаточным. Ты, отец, любишь бесцельное самопожертвование, я – нет.

– Оставьте, господин доктор, этого неисправимого реалиста! – вмешался в их спор Георг. – Я уже давно отказался от мысли обратить его на путь истинный. А теперь не станем мешать вам больше. Макс еще утром обещал пойти со мной в рощу на прогулку.

– Теперь, в обеденное время? – удивился доктор. – Почему не позже?

На лице молодого Винтерфельда отразилось легкое смущение.

– Потом придется заняться сборами в дорогу, а мне хочется еще раз насладиться видом озера и гор. Разлука с ними будет для меня тяжела.

– Охотно верю! – со странным, почти злым выражением подчеркивая слова, заметил Макс, но тотчас умолк, заметив сердитый и в то же время простительный взгляд своего друга.

Бруннов, видимо, не придал этому обмену словами и взглядами важного значения и, кивнув на прощанье, отправился к своему рабочему столу. Молодые люди сошли в сад; Макс отворил калитку, и они зашагали вдоль берега озера.

Несколько времени друзья молча шли вперед. Георг казался серьезным и сосредоточенным, молодой врач был явно в дурном расположении духа, равным образом вызванном как недавним разговором с отцом, так и близким отъездом друга.

– Итак, это – последний день твоего пребывания здесь, – наконец произнес он. – Да, впрочем, что мне в том, как и во всем твоём посещении? Полдня ты декларируешь с моим отцом взгляды на положение вещей в нашем любезном отечестве вообще и о диктаторской власти Равена в частности; когда же мне посчастливится отвлечь тебя от политики, ты злоупотребляешь моей дружбой, заставляя меня в полдень, при двадцати четырех градусах жары по Реомюру,¹ стоять на часах... Нечего сказать, приятный гость!

– Что за выражение! – попрекнул его Георг. – Я лишь просил тебя...

– Позаботиться о том, чтобы никто не помешал твоей – разумеется, совершенно случайной – встрече с баронессой Гарднер. По-моему, это и значит «стоять на часах». Сколько же таких «случайных» встреч у вас уже, собственно, было с моим участием и без него? Берегитесь, как бы мамаша не проследила эти совместные прогулки!

– Ты ведь знаешь, что мой отпуск кончается и что завтра мне нужно ехать, – коротко ответил Георг.

– И потому сегодня свидание продлится особенно долго! – вздохнул Макс. – Прости, Георг, вам, понятно, очень интересно, когда при солнце ли, при луне и звездах вы клянетесь в верности друг другу, но для непричастного человека это крайне скучно, особенно при сегодняшней температуре.

Между тем молодые люди достигли группы каштановых деревьев, покрывающих своей тенью лужайку на берегу озера – излюбленное место прогулок горожан. Отсюда открывался великолепный вид на озеро и горы во всей их красоте. В этот знойный полуденный час уединенный уголок был совершенно пуст.

Георг опередил своего друга и стал выжидательно осматриваться кругом – никого не было. Макс медленно брел за ним. Наконец он подошел к могучему каштану, вздымавшемуся на самом выгодном для обозрения ландшафта месте, и опустился на дерн. Он расположился поудобнее и не то с насмешкой, не то с состраданием стал наблюдать за своим другом, обнаружившим почти лихорадочное беспокойство.

– Скажи, пожалуйста, Георг, что, собственно, может выйти из твоего романа? – снова начал Макс после продолжительного молчания.

– Я уже не раз просил тебя не говорить об этом в таком тоне!

– Разве я недостаточно деликатно выразился? По-моему, в твоей любви немало романтического. Молодой чиновник мещанского происхождения, без всяких средств, и высокородная баронесса и будущая наследница... тайные свидания, неизбежный протест всей семьи... борьба и волнения без конца... Поздравляю тебя с прекрасной перспективой! Я считаю такую ситуацию слишком неудобной.

– Охотно верю, – с легкой насмешкой ответил Георг, – но, милый Макс, ты плохой советчик в подобных вещах.

– Потому что обладаю совершенно прозаической натурой. Это для меня уже не ново. Отец довольно часто дает мне понять, что мне недостает идеалистического направления. Я не

¹ Тридцать градусов по Цельсию.

принадлежу к избранным натурам, как ты, например. Ты гораздо больше по вкусу моему отцу, и, мне кажется, он не задумался бы над тем, чтобы сменить на тебя своего сына.

– Если ты согласен, – слегка улыбнулся Георг, – я ничего не имею против.

– Попробуй, – сухо произнес Макс. – По отношению к тебе отец исключительно любезен, потому что питает к тебе какую-то особенную любовь, а вообще он недалеко от того, чтобы быть человеконенавистником. Ничто не удовлетворяет его, все возбуждает в нем раздражение и горечь, которые он считает неудовлетворенным идеализмом, и это служит поводом к вечной войне между нами. Он не хочет простить мне, что я отлично чувствую себя в ничтожном мире, с которым сам он не может примириться!

– Ты несправедлив к своему отцу, – заметил Георг. – Тот, кто, подобно ему, пожертвовал ради своих идеалов положением и свободой, имеет право прилагать высший масштаб к свету и людям.

– Но я слишком мал для этого «высшего масштаба», – сердито возразил молодой врач, – ты гораздо более соответствуешь ему. Отец сразу заметил это и забрал тебя в свое полное распоряжение. Разумеется, ты значительно упал бы в его глазах, если бы он мог заподозрить, что в первые же дни своего пребывания здесь ты сделал безграничную глупость влюбиться.

– Макс, прошу тебя, оставь! – раздраженно прервал Винтерфельд.

Но Макс в порыве гнева не обратил внимания на слова друга.

– Повторяю, это – глупость!

– Ты со своим серьезным взглядом на жизнь, неутомимой работоспособностью, со своими идеальными стремлениями и эта избалованная, легкомысленная Габриэль фон Гардер, выросшая в богатстве и роскоши, воспитанная во всевозможных аристократических предрассудках! Неужели ты и в самом деле думаешь, что она когда-нибудь будет в состоянии хоть поверхностно вникнуть в твои интересы? Будь уверен, она покинет тебя на первом же серьезном пункте этой дорожной идиллии, уступив влиянию своей семьи. Ты вложишь в свою любовь все лучшее, употребишь все силы для борьбы с ее родственниками, а к концу концов тебя принесут в жертву ради какого-нибудь графа или барона, который составит приличную партию для юной баронессы.

– Нет, нет! Ты ведь не знаешь Габриэли, ты только мельком видел ее, тогда как я... – Георг вдруг запнулся и продолжал упавшим голосом: – Я знаю, что, кроме этих внешних отношений, нас разделяет совершенно иная бездна... Но Габриэль еще так молода! До сих пор она видела жизнь только с ее светлой стороны, и... и я безгранично люблю ее.

– Каждый развлекается по-своему, – равнодушно заметил Макс. – Я, например, ни в коем случае не придавался бы безграничной любви, из которой ничего не может выйти... Впрочем, – Макс встал, – мне уже пора на свой пост – вон за сиренью мелькнуло светлое платье, и ты вспыхнул, будто все семь небес раскрылись перед тобой... Георг, сделай мне, пожалуйста, единственное одолжение – не забывай о существовании на свете обеденного часа, когда обыкновенные смертные считают необходимым поесть. Надеюсь, в благодарность за мое дружеское самопожертвование ты не заставишь меня голодать?

Бруннов ушел.

Винтерфельд едва ли слышал его последние слова, внимание молодого человека было всецело поглощено стройной фигурой, показавшейся на опушке рощицы. Девушка шла легко и грациозно, как будто едва касалась дерна, и через несколько минут была уже около него.

– Вот и я, Георг. Ты долго ждал меня? Сегодня было совершенно невозможно уйти незамеченной, и я уже почти отказалась от мысли об этом. Но было бы слишком жестоко заставлять напрасно томиться моего бедного рыцаря. Наверное, ты никогда не простил бы мне, если бы тебе пришлось уехать без торжественного прощания.

Георг крепко сжал руку девушки, пытавшейся после быстрого пожатия отдернуть ее, и с легким упреком сказал:

– Неужели разлука так легка для тебя, Габриэль? Неужели у тебя на прощание не найдется ничего другого, кроме шуток и поддразнивания?

Молодая девушка удивленно взглянула на него.

– Разлука? Но ведь через месяц мы снова свидимся!

– Через месяц? Это, по-твоему, – короткий срок?

– Верно, это больше четырех недель. В каждой неделе по семи дней. Конечно, тебе придется потерпеть это время. Но зато потом мы тоже приедем в Р. Ты ведь часто видишься с моим опекуном?

– С бароном Равеном? Конечно. Я состою, как тебе известно, в его канцелярии и иногда являюсь к нему с докладами.

– Я почти совершенно не знаю его, – равнодушно заметила Габриэль. – Я видела его лишь мельком, когда он на короткое время приезжал в столицу, в последний раз – три года тому назад. Тогда его превосходительство не обратил на меня никакого внимания и обращался со мной совсем как с ребенком, хотя мне уже исполнилось четырнадцать лет. Меня вовсе не восхищала перспектива жить в его доме, пока я, – она лукаво улыбнулась, – не познакомилась с неким Георгом Винтерфельдом и не узнала, что он имеет счастье принадлежать к числу чиновников моего опекуна.

На лице молодого человека мелькнуло выражение, ясно говорившее о том, что он был несколько иного мнения относительно такого «счастья».

– Ты ошибаешься, возлагая на это какие бы то ни было надежды, – серьезно возразил он. – Мои отношения с начальником – исключительно служебного характера, да и вообще я очень далек от него. Молодой чиновник мещанского происхождения с невысоким служебным положением не имеет доступа в губернаторский кружок и не может рассчитывать на близкое знакомство с баронессой Гардер. Мы будем далеки друг от друга, хотя бы я и ежедневно бывал в том доме, в котором ты будешь жить. Здесь, среди свободной обстановки летнего отдыха, мы смогли сблизиться и полюбить друг друга...

– Этим ты обязан в сущности только нашей лодке, вовремя севшей на мель, – прервала его Габриэль. – Вспоминаешь ли ты о нашей первой встрече? Мама до сих пор воображает, что мы находились в смертельной опасности, и считает тебя своим спасителем, потому что ты счастливо вытащил нас из мелкой воды на берег. В противном случае она едва ли разрешила бы тебе, при твоем простом буржуазном имени, так часто посещать нас. Однако для «спасителя жизни» она, конечно, сделала исключение. Если бы она только знала, что он уже объяснился мне в любви!

Нескрываемое торжество, прозвучавшее в последних словах Габриэли, по-видимому, оскорбило молодого человека, и он пытливо взглянул на нее.

– Ну, а если бы баронесса узнала об этом, что сделала бы ты?

– Я по всем правилам этикета представила бы тебя в качестве моего будущего господина и повелителя, – торжественно пояснила Габриэль. – Конечно, произошел бы взрыв... Начались бы слезы, упреки, истерики... В этой области мама очень сильна... Но это ничего не значит, в конце концов она сдастся, и я всегда ставлю на своем.

Она весело рассмеялась. По-видимому, мысль о раскрытии любовной тайны чрезвычайно забавляла ее.

Девушка опустила на дерн под каштаном и сняла свою соломенную шляпу. Солнечные зайчики играли на ее густых белокурых волосах и румяном личике с парой огромных карих глаз, улыбавшихся Божьему миру. Это нежное, милое личико, бесспорно, очаровывало своей прелестью, но ему недоставало той одухотворенности, которая придает лицу человека настоящее обаяние. Бесплезно было бы под задорной улыбкой, под брызжущим весельем искать серьезное, глубокое чувство, что, впрочем, нисколько не умаляло привлекательности этого цветущего создания, в котором все дышало юной свежестью.

Георг посмотрел на Габриэль со странной смесью неудовольствия и нежности.

– Габриэль, ты смотришь на все, как на игру, и совсем не представляешь себе предстоящей нам борьбы.

– Ты боишься борьбы?

– Я? – Лицо молодого человека начало покрываться румянцем. – Я готов на все, если ты будешь со мной. Но ты заблуждаешься, рассчитывая на уступчивость своей матери, когда на карту ставятся семейные традиции и предрассудки. И мало того: даже если тебе удастся убедить мать, на наш брак никогда не согласится твой опекун. Я достаточно хорошо знаю его.

– А я и не спрошу его согласия, – заметила Габриэль. – Я не приму во внимание ни его разрешений, ни его запрещений. Пусть попробует принудить меня!

– Никто и не станет принуждать тебя, – возразил Георг, – но нас разлучат. В тот самый момент, когда обнаружится наша любовь, будет решена и наша разлука. Это я ясно сознаю, и только это заставляет меня молчать. Тайна, которая кажется тебе столь прелестной, робкая игра в прятки, которую я вынужден вести, тяготит и унижает меня, претит моей натуре! Лишь теперь я впервые по-настоящему почувствовал, что значит быть бедным и неизвестным.

– И не беда, что ты беден! – беззаботно воскликнула Габриэль. – Когда-нибудь я буду очень богата. Мама ежедневно твердит мне, что я единственная наследница Равена.

Георг молчал; он крепко сжал губы, как бы удерживая какие-то горькие слова.

– Да, ты будешь очень богата, – проговорил он наконец, – даже слишком богата.

– Кажется, ты хочешь упрекнуть меня этим?

– Нет,нисколько, но это еще больше расширяет пропасть между нами. Если бы ты принадлежала к моему кругу, я бы открыто явился к вам и потребовал если не твоей руки, то по крайней мере твоего слова до тех пор, пока буду в состоянии предоставить тебе свой собственный кров. Теперь же напротив... Что ответит мне барон Равен, если я дерзну просить у него руки его подопечной, его будущей наследницы? Он заменяет тебе отца, ты находишься в его власти.

– Но только до моего совершеннолетия! Через несколько лет наступит конец опекунской власти старого барона. Тогда я буду свободна!

– Через несколько лет! – повторил Винтерфельд. – А какими будут твои чувства и мысли тогда?

В его словах прозвучал такой робкий вопрос, что Габриэль не то испуганно, не то оскорбленно взглянула на него:

– Георг, неужели ты сомневаешься в моей любви?

– Я верю тебе, моя Габриэль, доверься и ты мне! Ведь мне не первому приходится пробивать себе дорогу, а я привык доверять своим силам и верить в свое будущее. Ради тебя я сделаю все возможное, чтобы создать себе достойную будущность. Ты не должна стыдиться своего выбора.

– Да, тебе следует сделать меня по крайней мере превосходительством, – поддразнила его Габриэль. – Я совершенно определенно решила, что ты будешь губернатором или даже министром... Слышишь, Георг? Я не желаю другого титула!

Винтерфельд вдруг выпустил руку девушки, которую до сих пор все еще держал в своей. Он ожидал совершенно иного ответа на вырвавшееся из самой глубины души признание.

– Ты не понимаешь меня! – воскликнул он. – Да, впрочем, как ты можешь серьезно смотреть на жизнь, если она еще не коснулась тебя!

– О, я могу быть и серьезной, – уверяла Габриэль, – чрезвычайно серьезной. Ты меня совершенно не знаешь.

– Возможно, – проговорил молодой человек с чувством возрастающей горечи. – Во всяком случае я не сумел пробудить твою душу.

Габриэль отлично видела, что обидела его, но предпочла оставить это без внимания. Она продолжала поддразнивать Георга и шутить, призвав на помощь всю свою веселость. Девушка рассчитывала на ту силу, которую не раз уже с успехом применяла, и она оказала свое действие и на этот раз. Лицо Георга мало-помалу стало проясняться; уныние и упреки не устояли перед лукавой улыбкой розовых губок, и когда любимая подняла на него свой взор, он тоже улыбнулся.

Из города донеслись звуки колоколов, возвещавших обеденную пору, и напомнили молодым людям о моменте разлуки. Георг страстно прижал руку молодой девушки к своим губам. Непосредственная близость дач и проезжей дороги мешала более нежным излияниям.

Габриэль, казалось, в самом деле легко мирилась с мыслью о разлуке. На мгновение она как будто стала серьезнее, и в ее глазах даже блеснули слезы, но через минуту юное лицо уже снова сияло весельем. Она еще раз кивнула на прощание и быстро удалилась. Глаза молодого человека, не отрываясь, глядели ей вслед.

– Макс совершенно прав, – как во сне прошептал Георг. – Я и это избалованное, легкомысленное дитя счастья! Почему я полюбил именно Габриэль, столь далекую от меня в том, в чем мы должны быть близки друг к другу? Да, почему... я тем не менее люблю ее?

Несмотря на все противоречия, предостережение друга нашло отклик в душе молодого человека, но что могли поделать благоразумие и трезвые рассуждения против страсти, наполнявшей все его существо? Георг уже давно знал, что не в силах бороться с очарованием, поработившим его.

Глава II

– Еще раз прошу вас, ваше превосходительство, отменить эти строгие мероприятия. Нельзя же делать весь город ответственным за выступления отдельных лиц.

– Я того же мнения, что не следует поступать так круто. Нетрудно будет найти виновных и обезопасить себя от них.

– Не нужно придавать этой истории столь важное значение, ваше превосходительство. В действительности она не заслуживает этого.

Барон Равен, к которому были обращены эти увещания, был, по-видимому, очень мало тронут ими и сухо ответил:

– Очень жаль, господа, что я совершенно противоположного мнения, но я принял свое решение после тщательного размышления, и к тому же вам хорошо известно, что я никогда не отменяю назначенных мер.

Мужчины, собравшиеся в приемной губернского правления города Р., по-видимому, провели довольно долгое и оживленное совещание; все они были порядочно взволнованы, не исключая и самого барона, хотя он с видом непоколебимого спокойствия откинулся в своем кресле.

– Мне кажется, – снова начал первый, – что мой голос представителя города тоже имеет некоторый вес в этом вопросе, тем более что на моей стороне и господин полицмейстер.

– Разумеется, – с нарочитой сдержанностью подтвердил последний. – Однако я слишком короткое время исполняю свою должность, чтобы в совершенстве знать положение вещей. Его превосходительство, конечно, может лучше судить об этом.

– Я боюсь лишь, чтобы не придали ложного смысла строгим мерам и не истолковали их как заботу о вашей личной безопасности, – заметил третий господин, в мундире полковника.

– Не беспокойтесь, – возразил барон с презрительной усмешкой, – меня слишком хорошо знают в Р., чтобы заподозрить в трусости. Что бы ни было, этот упрек не коснется меня.

Губернатор поднялся, давая понять, что совещание окончено.

Барон Равен, человек сорока шести – сорока семи лет, был весьма представительным мужчиной. Мощная фигура и повелительные манеры, полное энергии лицо, черты которого были если не красивы, то очень характерны, осанка, выражающая смесь неприступной гордости и спокойного достоинства, – все говорило о том, что этот человек привык повелевать и властвовать. Темно-карие глаза его еще молодо блестели, но взор их был строг и мрачен, а когда барон пристально смотрел на что-нибудь, приобретал пронизывающую, неприятную остроту. Темные густые волосы барона лишь слегка серебрились на висках, и это была единственная черта, выдававшая его возраст.

– Все это вовсе не касается меня лично, – продолжал он. – Пока ругательства и угрозы доходили до меня в лице анонимных писем, я попросту бросал их в корзину, не придавая им никакого значения. Но когда их стали расклеивать на стенах присутственных мест и начались попытки публично оскорблять меня, а господа граждане воздерживались от вмешательства, я счел своей обязанностью принять серьезные меры. Я – представитель высшей власти в провинции, и если буду терпеть оскорбления, наносимые лично мне, то тем самым уроню авторитет правительства, охранение которого при всех обстоятельствах является моей обязанностью. Повторяю вам, господин городской голова, мне очень неприятно издавать обязательные полицейские постановления, которые, может быть, будут весьма тягостны, но сам город заставил меня сделать это.

– Мы уже привыкли к тому, что при подобных обстоятельствах вы, ваше превосходительство, не принимаете во внимание никаких доводов, – резко произнес городской голова. –

Итак, мне остается лишь сложить на вас всю ответственность за это... Следовательно, наш разговор окончен.

Барон холодно поклонился и парировал:

– Не знаю случая, когда я не нес бы ответственности за свои мероприятия; также, разумеется, я несу ее и теперь... До свидания, господа!

Городской голова и полицмейстер вышли из приемной. На пути к выходу голова, седой старик холерического типа, не мог не дать воли своему долго сдерживаемому гневу.

– И вот, несмотря на все наши просьбы, увещания и представления, мы еще раз не добились ничего другого, кроме диктаторского «будет так!», – говорил он своему спутнику. – По-видимому, даже и вы преклонились перед этим излюбленным выражением его превосходительства: ваше противоречие разом смолкло.

Полицмейстер, еще довольно молодой человек с умным, выразительным лицом и очень вежливыми манерами, пожал плечами.

– Барон – глава управления, и так как он объявил, что превосходит меня своей ответственностью, то...

– Вы подчиняетесь его воле, – закончил городской голова. – В сущности это вполне естественно. Едва ли вы хотите разделить судьбу своего предшественника.

– Во всяком случае, я надеюсь долгие его сохранить свой пост, – вежливым, но решительным тоном ответил полицмейстер. – Насколько мне известно, мой предшественник был переведен на другую должность за неспособность к службе.

– Ошибаетесь, – возразил голова. – Он был смещен потому, что пришелся не по душе барону Равену и по временам осмеливался высказывать различное с ним мнение. Он принужден был уступить воле, которая так давно неограниченно господствует у нас. Сегодняшнее поведение нашего губернатора, надеюсь, сразу же показало вам, в чем собственно заключается здесь «положение вещей», и, как мне кажется, вы уже избрали себе лагерь.

Последние слова прозвучали очень язвительно, но полицмейстер ничего не ответил и только любезно улыбнулся, а так как они уже были в подъезде дома, то тотчас же расстались.

Барон Равен и полковник между тем остались в приемной правления. Полковник командовал полком, несшим гарнизонную службу в Р. Несмотря на свою военную осанку, мундир и ордена, он все же не мог выдержать сравнения с величественной фигурой губернатора, хотя и облаченного в простой штатский сюртук.

– Вам не следовало все же так круто поступать, ваше превосходительство, – возобновил он разговор. – В высших сферах бывают очень недовольны постоянными конфликтами со средним сословием.

– А вам кажется, что я люблю эти конфликты? – спросил барон. – Но уступчивость в данном случае была бы проявлением слабости, а последней, надеюсь, никто не заподозрит во мне.

– Вы знаете, что месяц тому назад я был в столице, – продолжал полковник, – и часто бывал в министерстве. Откровенно говоря, настроение там для вас неблагоприятно. Там недоблюбливают вас.

– Это мне известно, – холодно ответил Равен, – я давно стал неудобен для столичных господ. Я никогда не был ни покорным исполнителем их воли, ни их преданным слугой; к тому же они никак не могут простить мне мое низкое происхождение. Помешать моей карьере было невозможно, но симпатиями в их кругах я никогда не пользовался.

– Тем более вы должны быть осторожны. Уже делались попытки поколебать ваше положение. Говорят о превышении власти, о произволе, и все ваши мероприятия подвергаются жесточайшей, часто весьма враждебной, критике. Неужели вы не боитесь этой паутины интриг?

– Нет, – не задумываясь, ответил губернатор, – я слишком нужен власть имущим лицам и позабочусь о том, чтобы, несмотря на мое «превышение власти» и «произвол», такая необхо-

димось не исчезла. Я отлично знаю всю трудность своего здешнего положения; но министерству нелегко найти другое лицо, пригодное занять губернаторский пост в этой провинции и сдерживать брожение умов в вечно оппозиционном Р. Тем не менее я очень благодарен вам за ваше предостережение.

– Я хотел по крайней мере предупредить вас, – сказал полковник, обрывая разговор. – Но мне пора. Я слышал, вы ожидаете сегодня гостей?

– Да, свояченицу, баронессу Гардер, с дочерью, – ответил барон, провожая полковника до дверей. – Они провели часть лета в Швейцарии и сегодня возвращаются оттуда. Я ожидаю их с минуты на минуту.

– Я имел счастье несколько лет тому назад познакомиться с баронессой в столице и надеюсь возобновить здесь знакомство. Осмелюсь просить вас, ваше превосходительство, засвидетельствовать ей мое почтение. До свидания, ваше превосходительство!

Через полчаса к подъезду губернаторского дома подъехала карета, и барон Равен спустился вниз, чтобы приветствовать гостей.

– Как я счастлива снова видеть вас! – с оживлением воскликнула сидевшая в карете дама, протягивая руку губернатору.

– Добро пожаловать, Матильда! – со своей обычной холодной вежливостью ответил на ее приветствие Равен, открывая дверцу кареты и помогая свояченице выйти. – Как вы перенесли дорогу? Сегодня чересчур жарко для путешествия.

– О, ужасно жарко! Продолжительная дорога совершенно издергала мне нервы. Вначале мы намеревались один день отдохнуть в К., но нас подгоняло желание как можно скорее увидеть нашего дорогого родственника.

– Тем не менее вам следовало остановиться в К., – заметил барон, равнодушно приняв комплимент. – Но где же дитя... Габриэль?

Лицо молодой девушки, только что выпрыгнувшей из кареты, при этом вопросе покрылось гневным румянцем. Но и барон запнулся, изумленно уставившись на «дитя», которое он не видел в течение трех лет и которое теперь совершенно поразило его своим видом. Однако изумление барона и торжество девушки по этому поводу были непродолжительны.

– Весьма рад видеть тебя, Габриэль, – спокойно произнес опекун и, наклонившись, слегка коснулся губами ее лба.

Это была та же беглая, равнодушная ласка, которую он некогда уделял четырнадцатилетнему ребенку, причем строгий взор его темных глаз скользнул по лицу девушки так пылливо, как будто он хотел проникнуть у глубину ее души. Затем он подал руку свояченице и повел ее наверх, предоставив девушке следовать за ними.

Баронесса разразилась целым потоком красноречивых любезностей, который прекратился лишь тогда, когда они достигли флигеля, где были расположены комнаты, предназначенные для дам.

– Вот ваше помещение, Матильда, – сказал барон, указывая на открытые комнаты. – Надеюсь, оно будет вам по вкусу. Вот здесь звонок к прислуге. Если вам что-нибудь не понравится, прошу сообщить мне. Теперь же позвольте покинуть вас. Вы и Габриэль, конечно, утомлены дорогой и нуждаетесь в отдыхе. За столом мы встретимся.

Барон ушел, явно довольный тем, что избавился от скучной обязанности принимать гостей.

Едва только за ним захлопнулась дверь, баронесса, сбросив с себя дорожный костюм, стала осматриваться кругом. Четыре комнаты, отведенные для нее с дочерью, были обставлены очень элегантно и даже роскошно, с учетом вкусов знатной гостью; не оставалось желать ничего лучшего, и очень довольная осмотром баронесса Гардер возвратилась к дочери, все еще стоявшей посреди первой комнаты в дорожном костюме и шляпе.

– Почему же ты не раздеваешься, Габриэль? – нетерпеливо спросила баронесса. – Как ты находишь помещение? Слава Богу, наконец-то, после лишений нашего швейцарского изгнания, мы опять в привычной обстановке.

Габриэль не обратила на слова матери ни малейшего внимания.

– Мама, я не выношу дядю Арно! – вдруг с необыкновенной решимостью произнесла она.

Ее тон был так необычен, так противоречил ее обычной манере говорить, что баронесса невольно изумилась.

– Дитя мое, да ты едва ли рассмотрела его!

– Тем не менее я терпеть его не могу. Он обращается с нами с безразличной снисходительностью, оскорбительной для нас. Не могу понять, как ты можешь переносить такой прием!

– Ничего подобного, – успокоила ее баронесса. – Лаконичность и сдержанность – отличительные черты характера моего зятя. Познакомившись с ним поближе, ты привыкнешь к этому и полюбишь его.

– Никогда! Как ты можешь требовать от меня, чтобы я полюбила дядю Арно? Я вечно слышу о нем лишь дурное. Ты сама говорила, что он – страшный деспот. Папа не называл его иначе, как выскочка и авантюрист. А между тем ни папа, ни ты никогда не решались сказать ему ни одного неприятного слова...

– Дитя мое, ради Бога, замолчи! – прервала ее мать. – Неужели ты забываешь о том, что мы всецело зависим от благорасположения твоего дяди? Он непримирим, если считает себя оскорбленным. Ты не должна противоречить ему.

– Но если он – авантюрист, и только, то почему же ты высказываешь ему столько почтения? Почему дедушка выдал за него свою дочь? Почему он всегда был первым лицом в семье?

– Почему я знаю? – вздохнув, заметила баронесса. – Могущество этого человека мне всегда было непонятно, равно как и любовь к нему дедушки. Со своим мещанским именем и ничтожным тогда служебным положением он должен был смотреть на вступление в нашу семью, как на высокую милость, как на незаслуженное счастье, а между тем принял это, как нечто должное, полагающееся ему по праву. Едва он встал твердою ногой в нашем доме, как сразу подчинил себе всех, начиная с моей сестры и кончая прислугой. Нашего отца он совершенно забрал в свои руки, и тот не делал ни шага без его совета. Остальных же он попросту согнул в дугу. Право, не знаю, как это случилось, но и в обществе, и на службе он забрал себе власть, как и в нашем доме. Ничто не смело противостать ему!

– Ну, меня ему не подчинить себе! – воскликнула молодая девушка, упрямо закидывая головку. – Он думал и меня запугать своим мрачным взглядом, пронзившим меня насквозь, но я нисколько не боюсь его. Посмотрим, подчинит ли он меня, подобно остальным.

Баронесса испугалась; она не без основания боялась, что ее избалованная дочь, не привыкшая стеснять свою свободу, и в отношении барона будет так же своевольна. Она исчерпала весь свой запас просьб и доводов, однако напрасно – Габриэль находила своеобразное удовольствие в упрямом выражении вражды по отношению к опекуну и не собиралась сдавать свои боевые позиции против него. К тому же она слишком долго была серьезна и потому поспешила вернуть себе свой обычный легкомысленный тон.

– Мама, мне кажется, ты чувствуешь настоящий страх перед этим волком в образе дяди, – с веселым смехом воскликнула девушка. – Я смелее. Я подойду к самой его морде, и – ручаюсь тебе – он не сожрет меня!

Глава III

Дом губернского правления в Р. был некогда замком и в продолжение многих лет служил жилищем одной княжеской семьи. Затем он перешел в казну, и теперь в нем помещались главное управление провинции и квартира губернатора. Обширное здание было расположено вне города, на возвышении, и, несмотря на свое нынешнее предназначение, сохраняло вид средневекового замка. Его высокие башни и вышки, и вообще господствующее положение над окрестностью – все было очень живописно.

Из окон замка свободно просматривались город и вся долина, окаймленная венком гор. Главное здание было в исключительном пользовании губернатора, занимавшего его верхний этаж, а в нижнем помещалась канцелярия; в двух боковых флигелях были расположены прочие присутственные места и казенные квартиры чиновников.

Несмотря на такую планировку здания, его внутренние помещения носили тот же, что и наружный, вид, старинный характер, заложенный в самой архитектуре, и годы не в силах были изменить его. Комнаты со сводчатыми потолками, с глубокими дверными и оконными нишами были наследием восемнадцатого столетия. Длинные мрачные коридоры и галереи скрещивались в самых разных направлениях. Из одного этажа в другой вели каменные, гулко резонирующие лестницы. Старинный замковый двор и сад все еще сохраняли свой первоначальный вид.

Теперешний губернатор уже много лет бесценно занимал свой пост. Он был сыном простого бедного чиновника, умершего молодым, однако и жизненный уклад, и впечатление, производимое лично им, были безукоризненно аристократичны. Никто не знал, каким собственным образом Равен стал любимцем некогда всемогущего министра, которому он был обязан своей карьерой. Проницательный взор министра, вероятно, обнаружил в молодом человеке недюжинные способности. Многие склонны были видеть в этом другие, тайные причины, сыгравшие роль в возвышении Равена. Как бы то ни было, он был вдруг назначен секретарем министра, и в этой должности ему представилось обширное поле для применения своих способностей. Равен быстро стал доверенным лицом министра, при всяком удобном случае отличавшего его и даже открывшего перед ним двери собственного дома. Нижние ступени служебной лестницы были быстро пройдены, и однажды высшие слои столичного общества ошеломила неожиданная весть о том, что старшая дочь министра помолвлена с его молодым советником. Тотчас же последовало возведение Равена в баронское достоинство, и перед ним открылись ослепительные возможности.

Однако не только этому был обязан Равен своим головокружительным возвышением. Его действительно блестящие способности, по-видимому, лишь теперь нашли себе достойное применение и вскоре были так бесспорно проявлены, что всякая протекция стала совершенно излишней. Всего через несколько лет вполне объяснился «непонятный поступок» министра, который, вместо того чтобы противодействовать браку своей дочери, благожелательно отнесся к нему. Он знал чего мог ожидать от своего зятя в будущем, и действительно, его дочь в качестве баронессы Равен играла в свете гораздо большую роль, чем ее сестра, вышедшая замуж за барона Гардера, человека древнего происхождения, но весьма ничтожного.

Назначенный на ответственный пост в Р., барон Равен нашел там очень тяжелое положение. Правда, буря, потрясая несколько лет тому назад всю страну, на время затихла, но не была уничтожена в корне. В особенности в Р-ской провинции повсюду шло брожение, и Р., главный ее город, стоял во главе оппозиции правительству. Губернаторы тщетно пытались искоренить эту оппозицию, но им недоставало ни решительности, ни полноты власти, и они ограничивались полумерами, необходимыми для усмирения то и дело возникавших беспорядков, которые продолжали разрушать провинцию.

Когда губернатором был назначен Равен, все сразу почувствовали, в какие железные руки попали бразды правления. Он приступил к делу с энергией и беспощадностью, возбудившей против него настоящее возмущение. Посыпались протесты и жалобы правительству, но последнее хорошо знало и положение в провинции, и характер своего представителя, а потому оказывало ему поддержку. Другой, вероятно, испугался бы чрезвычайной непопулярности, вызванной крутыми мерами, или отступил перед неприятностями и затруднениями, но Равен остался на своем посту. Это был человек, скорее искавший в жизни борьбы, чем избегавший ее, а его деспотическая натура именно здесь нашла возможность развернуться. Он не задумывался над тем, что его постановления далеко не всегда были законны, и на все упреки в произволе и насилии отвечал непоколебимым «будет так!». Таким образом, он действительно усмирив недовольные правительством элементы. Город и провинция убедились, что не могут бороться с человеком, ставящим свою власть выше их прав, для открытого же восстания еще не пришло время. Поэтому все поневоле покорились, и губернатор, отлично исполнивший свою задачу, был осыпан милостями.

С тех пор прошло много лет. К деспотичному управлению барона мало-помалу привыкли, и он даже снискал себе уважение своих политических врагов. Он провел ряд экономических реформ, которых не могли не одобрить даже его противники. В экономической сфере Равен был настоящим благодетелем вверенной ему провинции, неутомимым тружеником там, где дело шло о проведении в жизнь общепользовательных мероприятий! Он принимал горячее участие в развитии промышленности, земледелия, повышении благосостояния населения, и тем самым привлекал к себе многих, видевших в нем усердного защитника их интересов, так что число его приверженцев вскоре стало столь же велико, как и число врагов. Управление Равена было образцом порядка, неподкупности и строгой дисциплины, и его нововведения, сделанные с практической проницательностью, процветали повсюду.

Большое содержание и значительные личные средства позволяли губернатору жить на широкую ногу. Его покойный тесть был очень богатым человеком, и все его состояние перешло к двум дочерям – баронессе Равен и баронессе Гардер.

Брак барона был заключен по расчету, однако Равен никогда не забывал, что обязан этому браку блестящей карьерой, и его супруга ни разу не могла пожаловаться на недостаток внимания и уважения с его стороны. Баронесса была ограниченной женщиной и едва ли вообще могла внушить к себе любовь. Муж охотно исполнял все ее требования относительно светской жизни и роскошных туалетов, и таким образом между супругами никогда не намечалось разлада. Их бездетное супружество через семь лет закончилось смертью баронессы. Равен, к которому, согласно завещанию, перешло все состояние жены, не пожелал вступить в брак во второй раз. Этот гордец, с головой, вечно занятой честолюбивыми планами, был недоступен любви и семейным радостям и, вероятно, не женился бы и в первый раз, если бы женитьба не являлась ступенькой для его возвышения.

На следующее утро после приезда баронесса Гардер сидела с зятем в своей маленькой гостиной. Баронесса, несмотря на еще сохранившиеся следы былой красоты, уже совершенно увяла, и яркий дневной свет безжалостно обнаруживал правду сидевшему против нее барону.

– Не могу избавить нас, Матильда, от этого разговора, произнес барон, – хотя и отлично понимаю, как он мучительно тягостен для вас. Согласно вашему желанию, я занялся приведением в порядок дел барона. То был хаос, с которым я едва справился с помощью нашего адвоката. Теперь наконец все приведено в ясность. О результате я уже сообщал вам в Швейцарию.

Баронесса, прижав платок к глазам, взволнованно прошептала:

– Грустный результат!

– Но не неожиданный. К сожалению, нельзя было спасти даже ничтожную часть состояния. Я посоветовал вам на некоторое время уехать за границу, так как для вас было бы слишком унижительно присутствовать при продаже вашего особняка и всего имущества в столице.

Каше отсутствие давало возможность истолковать все это скорее добровольным решением, чем необходимостью, и я позаботился о том, чтобы никто в свете не узнал истинного положения дел. Во всяком случае, честь имени, которое носите вы и Габриэль, сохранена, и ни один из кредиторов не прибьет его к позорному столбу.

– Я знаю, какое вы проявили самопожертвование, – сказала баронесса. – Мой поверенный писал мне обо всем... Благодарю вас!

В искреннем порыве она протянула ему руку, но барон отклонил ее таким ледяным движением, что теплое чувство разом остыло.

– Я сделал только то, к чему меня обязывало уважение к памяти моего тестя; его дочь и внучка при любых обстоятельствах могут рассчитывать на мою защиту, и я во что бы то ни стало должен сохранить чистоту вашего имени. Только ради этого я принес свою жертву. Здесь ни при чем нежные чувства, да они и не имели оснований, потому что покойный барон и я отнюдь не были друзьями.

– Я всегда сожалела об этом, – стала уверять баронесса. – В последние годы своей жизни мой муж тщетно искал сближения – вы были недоступны. Он не мог дать большего доказательства своего уважения и глубокого доверия к вам, как передав в ваши руки самое дорогое для него на свете. На своем смертном одре он назначил вас опекуном Габриэли.

– Иными словами, после того как был разорен, он предоставил заботы о жене и ребенке мне, которому при жизни вредил при всяком удобном случае. Я прекрасно сознаю, как высоко должен ценить это доказательство его доверия!

– Арно, вы не знаете, как жестоки ваши слова! Неужели вы не пощадите чувств удрученной горем вдовы?

Вместо ответа взгляд барона скользнул по элегантному серому шелковому платью баронессы. Ровно в годовщину своего вдовства она сняла траур, так как знала, что черный цвет не идет ей. Нескрываемая насмешка во взгляде зятя вызвала на лице баронессы легкий румянец не то досады, не то смущения.

– Лишь теперь я начинаю оправляться от страшной катастрофы, – продолжала она. – Если бы вы знали, какие заботы и унижения предшествовали ей, какие потери обрушивались на нас со всех сторон! Это было ужасно!

Саркастическая усмешка появилась на губах барона. Он отлично знал, что все потери барона совершались за игорным столом, а все заботы его супруги состояли в том, чтобы затмить всех дам столицы. После смерти министра баронесса получила такое же состояние, как и ее сестра, и промотала его до последнего гроша, в то время как часть наследства, перешедшая к баронессе Равен, оставалась до сих пор нетронутой в руках ее супруга.

– Довольно! – оборвал речи баронессы Равен. – Оставим этот неутешительный предмет. Я предложил вам свой дом и очень рад, что вы приняли мое приглашение. После смерти моей жены я принужден был прибегать к помощи чужих женщин, которые, правда, умели вести хозяйство, но не удовлетворяли требованиям, предъявляемым к представительнице дома. Вы умеете и любите представлять, Матильда, а я именно в этом нуждаюсь. Следовательно, наши интересы согласуются, и, я надеюсь, мы будем довольны друг другом.

– Постараюсь удовлетворить вашим желаниям, – ответила баронесса Гардер, следуя примеру своего зятя, который поднялся с места и направился к окну.

Равен обратился к ней еще с несколькими безразличными вопросами относительно того, довольна ли она обстановкой и прислугой, но едва ли слышал поток слов баронессы, уверявшей, что она от всего в восторге: его внимание привлекло нечто совершенно другое.

Под самым окном перед квартирой смотрителя дома, был разбит садик, и там прогуливалась Габриэль, вернее бегала взапуски с детьми смотрителя.

Молодая девушка вышла на утреннюю прогулку, чтобы ознакомиться с окружающим. Так по крайней мере она объяснила матери. Но ее интересовала собственно лишь известная

часть этого окружающего. Она знала, что Георг Винтерфельд ежедневно бывает в губернском правлении, значит, нужно было искать возможность почаще встречаться с ним, а это, по мнению Георга, было чрезвычайно трудно. Габриэль не разделяла такого взгляда, и ее рекогносцировка пока ограничивалась тем, чтобы разузнать, где именно помещалась канцелярия барона, в которой работал молодой человек. Тут на ее пути попались семилетний мальчик, сын смотрителя, и его сестрица, и она тотчас же завязала с ними знакомство. Веселые ребятишки доверчиво откликнулись на приветливость молодой девушки, и новое знакомство тотчас же отодвинуло на задний план всякую мысль о разведке и о том, ради кого она была предпринята. Габриэль дала детям увлечь себя в садик, любовалась вместе с ними кустарником и цветочными клумбами и совсем подружилась с детьми. Уже через четверть часа началась шумная игра, в которой Габриэль принимала оживленное участие. Она прыгала вместе с ребятишками через клумбы и на все лады поддразнивала их. Как ни неприлично это было для семнадцатилетней девушки, да притом еще племянницы губернатора, но для беспристрастного наблюдателя сцена была прелестна. Все движения молодой девушки были проникнуты бессознательной, естественной грацией. Стройная фигура в белом утреннем платье мелькала, как солнечный луч, среди темной листвы деревьев. Тяжелая коса распустилась во время веселой возни, и густые белокурые волосы рассыпались по плечам Габриэли, между тем как ее веселый смех и восторженные крики детей доносились до самых окон замка.

Баронесса ужаснулась этой распушенности, тем более что заметила, каким пристальным взором наблюдал сцену за окном ее зять. Какого мнения мог быть гордый, придерживающийся всех правил этикета барон о воспитании молодой девушки, допускавшей на его глазах такие вольности! Поэтому она постаралась сгладить дурное впечатление.

– Габриэль по временам бывает настоящим ребенком, – пожаловалась она. – Никак нельзя втолковать ей, что подобное ребячество совершенно неуместно в ее возрасте. Меня почти пугает появление Габриэли в свете, которое вследствие смерти ее отца отсрочено еще на год. Она в состоянии перенести и в салонную жизнь подобную распушенность.

– Предоставьте девочке ее непринужденность! – сказал барон, не отрывая взора от оживленной группы. – Она еще успеет научиться быть светской дамой. Теперь, право, жаль делать это, так как она – воплощенный солнечный луч.

Баронесса насторожилась. Она впервые слышала теплый тон в словах своего зятя, и впервые в его взоре не было ледяной холодности. Очевидно, ему понравилась резвость Габриэли, и практичная женщина решила немедленно воспользоваться этим, чтобы выяснить один пункт, тяготивший ее.

– Мое бедное дитя! – вздохнула она с деланным умилением. – Она беззаботно живет и не подозревает, какое серьезное, может быть, печальное будущее готовит ей судьба. Бедная девушка, это горький жребий, вдвое более горький для той, кто, подобно Габриэли, воспитан с надеждами и высокими требованиями к жизни. Она вскоре почувствует это.

Маневр удался. Обычно неприступный, Равен, по-видимому, был в мягком настроении. Он быстро обернулся и решительно сказал:

– Зачем вы, Матильда, говорите о печальном будущем? Ведь вам известно, что я бездетен и у меня нет собственных родственников. Габриэль – моя наследница, и потому, разумеется, не может быть и речи о бедности.

Торжество сверкнуло в глазах баронессы.

– Вы ни разу не говорили мне об этом, – заметила она, с трудом скрывая радость, – и само собой понятно, что я не смела коснуться данного вопроса. Эта мысль была так далека от меня...

– Неужели и в самом деле возможность моей смерти и мое завещание никогда не входили в круг ваших размышлений? – прервал ее барон.

– Но как вы можете так думать? – с глубоко оскорбленным видом воскликнула баронесса.

Равен не обратил внимания на ее возмущенный возглас.

– Надеюсь, вы не говорили об этом с Габриэлью, – произнес он (не зная, что это происходило почти ежедневно). – Я не хочу, чтобы она уже теперь считала себя богатой наследницей, и тем не менее желаю, чтобы семнадцатилетняя девушка принимала в расчет мое состояние и мое завещание, хотя это... вполне естественно для других.

– Вы всегда неправильно понимаете меня! – вздохнула баронесса. – Вам кажется подозрительным даже трепет матери за будущее своего единственного ребенка.

– Нисколько! Вы ведь слышали, что я считаю вполне естественным этот «трепет» и потому повторяю вам свои слова. Так как свое состояние я получил от тестя, то пусть оно в будущем перейдет к его внучке. Габриэль, вероятно, выйдет замуж еще при моей жизни, и тогда я позабочусь о ее приданом. После моей смерти, как я уже сказал, она будет моей единственной наследницей.

Баронесса или не чувствовала, или игнорировала то едва прикрытое внешней вежливостью презрение, с каким обращался к ней барон и которое не ускользнуло при первой же встрече от чуткой Габриэли. Баронесса сознавала, что питает к своему зятю так же мало симпатии, как и он к ней, и подчинялась лишь необходимости с любезной миной выслушивать его резкости. Однако перспектива стоять во главе такого блестящего дома, как дом губернатора, в качестве его родственницы играть первую роль в Р. и иметь доступ в его высшие слои примирала ее с этой необходимостью.

Через несколько минут, проходя через переднюю, Равен остановился у окна, выходящего в садик смотрителя и, мельком взглянув вниз, проговорил про себя:

– И этому ребенку суждено было иметь таких родителей и получить такое воспитание! Пройдет немного времени, и Габриэль станет такой же кокеткой, как и ее мать, не знающая и не желающая знать ничего, кроме туалетов, интриг и салонных сплетен.

Канцелярия, куда направился теперь губернатор, располагалась в нижнем этаже замка. Хотя он и предпочитал работать в своем частном кабинете, но очень часто посещал канцелярию и другие отделения губернского правления. Его чиновники никогда не были гарантированы от неожиданного появления своего начальника, от внимательного взора которого не ускользало ни малейшее упущение.

Присутствие уже давно началось, и чиновники были на своих местах, когда барон вошел в канцелярию и с легким поклоном стал обходить ее отделения. Его обращение с подчиненными было сдержанно-вежливым, но тем не менее чиновники очень боялись его недовольства.

Когда барон вошел в последнюю комнату, навстречу ему из-за конторки поднялся пожилой чиновник, работавший один в этой комнате, высокий худощавый человек, с важным выражением на морщинистом лице и напыщенным видом. Его седые волосы были тщательно расчесаны, на черном сюртуке не виднелось ни морщинки, ни пылинки, а высокий белый галстук необычных размеров придавал ему чрезвычайно торжественный вид.

– Здравствуйтесь, господин советник, – любезно сказал барон, жестом приглашая чиновника последовать за ним в соседний кабинет. – Я рад, что вы возвратились, в течение этих нескольких дней я сильно чувствовал ваше отсутствие.

Советник Мозер, директор губернской канцелярии, с видимым удовольствием выслушал признание его необходимости.

– Я очень спешил, ваше превосходительство, – отозвался он, – вам ведь известно, что я просил об отпуске для того, чтобы привезти свою дочь из монастыря. Я уже имел честь представить ее вашему превосходительству, когда мы встретились вчера в галерее.

– Мне кажется, вы слишком долго держали молодую девушку под духовным надзором. Она уже теперь производит впечатление монахини. Боюсь, что монастырское воспитание окончательно погубило ее.

Мозер с выражением ужаса уставился на своего начальника.

– Что вы хотите этим сказать, ваше превосходительство? – проговорил он.

– Я хочу сказать, что она погибла для света, – поправился барон.

– Ах, так! Да, разумеется, вы правы, ваше превосходительство. Но мысли моей Агнесы всегда были далеки от мирского, а вскоре она и совершенно покинет свет – она решила постричься.

Барон взял в руки несколько бумаг и мельком пробежал их взглядом, в то же время продолжая разговор с чиновником, который пользовался его исключительным доверием.

– Ну, это не удивительно! – говорил он. – Когда девушку с четырнадцати до семнадцати лет держат в монастыре, то следует ожидать подобного решения. А вы согласны на это?

– Мне будет тяжело навсегда лишиться своего единственного ребенка, – торжественно сказал Мозер, – но я далек от того, чтобы воспрепятствовать такому святому намерению. Я дал свое согласие. Моя дочь еще несколько месяцев проживет в моем доме и в свете, а затем поступит послушницей в тот самый монастырь, где до сих пор была пансионеркой. Мать-настоятельница желает избежать и намека на принуждение.

– Мать-настоятельница, должно быть, уверена в своей питомице, – заметил барон с иронией. – Впрочем, если молодая девушка сама желает этого, то незачем убеждать ее в противном. Мне жаль только вас. На старости лет вы надеялись найти поддержку в своей дочери и теперь принуждены уступить ее монастырю.

– Господу Богу! – благочестиво подняв взор к потолку, воскликнул старик, – и перед этим права отца должны отступить на задний план.

– Конечно! А теперь за дела! Есть что-нибудь важное?

– Рапорт полицмейстера...

– Знаю, – перебил барон, – в городе подняли страшный шум из-за новых обязательных постановлений. Ничего, успокоятся! Что там еще?

– Обстоятельный доклад в министерство, о котором мы уже говорили. Кому прикажете составить его, ваше превосходительство?

Равен с минуту подумал и сказал:

– Ассессору Винтерфельду. Я хочу дать ему возможность отличиться или по крайней мере выдвинуться. Несмотря на свою молодость, он – один из способнейших чиновников.

– Но неблагонадежен, ваше превосходительство! Он крайне либеральных взглядов и примыкает к оппозиции, которая теперь...

– Все молодые чиновники таковы, – прервал его барон. – Все они хотят быть реформаторами и считают своим долгом повсюду быть в оппозиции, но с производством в более высокие чины это проходит. С получением чина советника либерализму наступает конец, и ассессор Винтерфельд, конечно, не составит исключения.

– Что касается его личных способностей, – продолжил Мозер, – то я совершенно разделяю ваше лестное мнение о нем, ваше превосходительство, но до моего слуха дошли такие сведения об ассессоре, которые свидетельствуют о его чрезвычайной неблагонадежности. К сожалению, достоверно известно, что во время своего последнего отпуска он, будучи в Швейцарии, близко сошелся с демагогами и революционерами.

– Никогда не поверю, – решительно возразил барон. – Винтерфельд не из тех, кто бесцельно и бесполезно ставит на карту свою будущность. Да и вообще он достаточно уравновешен, чтобы ему могли быть опасны подобные искушения. Вероятно, тут что-то не так. Я сам займусь этим вопросом. Что же касается доклада, то я остаюсь при своем прежнем решении. Прошу позвать ко мне ассессора.

Мозер вышел, и через несколько минут вошел Георг Винтерфельд. Он знал, что поручаемый ему доклад был для него отличием перед его сослуживцами, но это явное предпочтение не радовало его. Со спокойным вниманием он выслушал указания своего начальника, в совершенстве уяснил себе его краткие деловые указания, схватив на лету отдельные намеки, кото-

рые тот считал необходимым сделать при этом. Несколько метких замечаний молодого человека доказывали, что он вполне достоин возложенной на него задачи.

Равен, которому слишком часто приходилось сталкиваться с тупоумием и неспособностью своих чиновников, не мог не почувствовать, какое удовольствие – быть понятым с первого слова.

Через несколько минут с докладом было покончено, и Георг, собрав бумаги с пометками своего начальника, ожидал разрешения удалиться.

– Вот еще что, – сказал барон тем же спокойным, деловым тоном, которым говорил до сих пор. – Последний свой отпуск вы провели в Швейцарии?

– Точно так, ваше превосходительство.

– Говорят, вы завязали там некоторые знакомства, несовместимые с вашим положением чиновника.

Барон устремил на молодого чиновника свой пронизывающий взгляд, которого так боялись все его подчиненные, но тот нисколько не растерялся и спокойно ответил:

– Я посетил в Цюрихе своего университетского товарища и по его настоятельному, любезному приглашению остановился в доме его отца, который действительно политический эмигрант.

Равен нахмурился.

– Это неосторожность, которой я никак не ожидал от вас. Вы должны были понимать, что подобное посещение будет неизбежно замечено и покажется подозрительным.

– Это было дружеское посещение, не более того. Могу дать слово, что в нем не играли роли никакие политические мотивы. Простое знакомство, и только.

– Все равно следовало считаться со своим положением. Дружба с сыном политически скомпрометированного человека еще допустима, хотя и она может повредить вашей карьере; но отношений с его отцом и продолжительного пребывания в его доме необходимо во что бы то ни стало избегать... Как имя этого человека?

– Доктор Рудольф Бруннов!

Это имя твердо и ясно прозвучало в устах Георга, в свою очередь не спускавшего теперь пристального взгляда с лица начальника. Он видел, как тот слегка вздрогнул, заметно побледнел и крепко сжал губы, но это продолжалось всего секунду. К барону быстро вернулось само обладание, и он медленно повторил:

– Рудольф Бруннов... так?

– Разве вашему превосходительству известно это имя? – дерзнул спросить Георг и тотчас раскаялся в своей опрометчивости.

Их взгляды встретились, и взор барона буквально пронзил молодого человека, как будто проникая в сокровенные тайны его души. Этот взор выражал мрачную угрозу, предостерегая от малейшего шага в этом же направлении.

Георгу показалось, что он стоит на краю пропасти.

– Вы находитесь в тесной дружбе с сыном доктора Бруннова? – спросил барон. – А следовательно, и с его отцом?

– Я только что познакомился с доктором и, несмотря на некоторую его резкость и озлобленность, нахожу его человеком, достойным уважения; он вызывает у меня симпатию.

– Лучше будет, если вы умерите свою откровенность, – ледяным тоном перебил его Равен. – Вы – чиновник государства, раз навсегда отрекшегося от подобных личностей и беспощадно осудившего их. Вы не должны поддерживать близких отношений с тем, кто открыто называет себя врагом государства. Ваше положение обязывает вас избегать подобной дружбы. Примите это к сведению, господин ассессор.

Георг молчал; он понял угрозу, скрывавшуюся под маской ледяного спокойствия. Она относилась не к чиновнику, а к свидетелю того прошлого, которое барон Равен, вероятно, считал давно погребенным и позабытым и которое теперь так неожиданно встало перед его взором.

Однако это лишь на мгновение поколебало хладнокровие барона, и когда он поднялся и движением руки отпустил молодого человека, вся его фигура выражала прежнюю неприступную гордость.

– Теперь вы предупреждены; случившееся пусть считается опрометчивостью, но будущее лежит на вашей ответственности.

Георг молча поклонился и вышел из кабинета начальника. Он понял, как прав был Брунов, предостерегая его от демонической власти своего бывшего друга. Молодой человек считал себя вправе после тяжких разоблачений доктора презирать предателя друзей и убеждений, но с тех пор как вступил в зачарованный круг влияния могучей личности Равена, чувствовал, что ему это не удастся. Презрение не выдерживало взгляда, повелительно требовавшего повиновения и почтения; оно, казалось, отскакивало от человека, так высоко и гордо несшего свою повинную голову, как будто он не признавал над собой никакого судьи. Как ни мало импонировало Георгу высокое положение его начальника, тем не менее он не мог не преклоняться перед его умственным превосходством. Притом он понимал, что ему предстоит ожесточенная борьба с бароном, от которого зависела будущность Габриэли, равно как и счастье всей его жизни.

Ведь нельзя было рассчитывать на продолжительное сохранение тайны... А что тогда? Пред мысленным взором молодого человека всплывал образ любимой девушки, которая со вчерашнего дня жила под этой самой крышей, но которую он не имел возможности даже видеть. А рядом с ней – железное, неумолимое лицо Равена... Только теперь Георг полностью осознал, как тяжела будет борьба, в которой он должен завоевать свое счастье.

Глава IV

Прошло несколько недель. Баронесса Гардер и ее дочь сделали необходимые визиты, чтобы завязать знакомства, и приняла ответственные визиты дам. Баронесса с удовольствием заметила уважение и внимание, оказываемые им, как родственникам губернатора. С еще большим удовольствием она заметила, что ее зять и в самом деле не требовал от нее ничего, кроме почетного представительства в качестве хозяйки дома. Вначале она побаивалась, что ей навяжут обременительные хозяйственные обязанности, но этого не случилось. Все заботы и ответственность по строго заведенному порядку по-прежнему лежали на старом дворецком, уже много лет исполнявшем свою должность.

Поэтому перед лицом общества баронесса была хозяйкой дома, но в действительности – лишь гостьей в нем. Другая на ее месте чувствовала бы себя униженной, но властолюбие было также чуждо баронессе, как и понятие об обязанностях. Она была слишком поверхностной для того и другого. Ее положение оказалось много приятнее всего того, чего можно было ожидать после катастрофы, последовавшей по смерти ее мужа. Она со своей дочерью жила в блестящей обстановке, Равен назначил ей довольно крупную ежемесячную сумму на ее личные расходы, и Габриэль была признана им единственной наследницей – все это искупало некоторую зависимость, неизбежную при совместной жизни с бароном.

Габриэль тоже быстро освоилась с новой обстановкой. Аристократически торжественный строй жизни барона, аккуратность и строгость, царившие во всем, безупречная почтительность прислуги, всегда бывшей начеку, – все это импонировало молодой девушке, но вместе с тем и удивляло ее. Этот дом был полной противоположностью тому, к чему она привыкла у своих родителей в столице, где рядом с пышным блеском царил и величайший беспорядок, где слуги были распушены и невежливы, а семейная жизнь разрушалась в погоне за удовольствиями.

Когда накопилась куча долгов и дела запутались, между отцом и матерью Габриэли начались безобразнейшие сцены, во время которых они упрекали друг друга в разорении. Девочка-подросток слишком часто бывала свидетельницей подобных сцен.

Избалованная и предоставленная самой себе, Габриэль была лишена каких бы то ни было серьезных жизненных воззрений, так как ее родители нисколько не заботились о ее воспитании. Даже события последнего года – смерть отца и наступивший после того денежный крах – прошли почти бесследно для молодой девушки, в своем беспечном легкомыслии ничего не принимавшей близко к сердцу. Однако Габриэль обладала достаточно критическим взглядом, чтобы видеть, что дом «высочки» имел более аристократический стиль, чем дом ее родителей, и часто сердила мать своими замечаниями относительно этого.

Однажды баронесса сидела в своей гостиной и перелистывала модный журнал. В доме губернатора предстоял бал; нужно было решить важный вопрос о туалетах, и мать с дочерью с большим увлечением предавались этому занятию.

– Мама, – сказала Габриэль, – дядя Арно вчера назвал свои большие приемы тягостной обязанностью, возлагаемой на него его положением. Он не находит в них никакого удовольствия.

– Ну, он не находит ни в чем удовольствия за исключением работы, – пожала плечами баронесса. – Я еще не встречала человека, который так мало заботился бы о своем покое и отдыхе, как мой зять.

– Покое? – повторила Габриэль. – Он вообще не понимает, что такое покой! С самого раннего утра он уже сидит за своим письменным столом, и свет в его кабинете виден далеко за полночь. Он то в канцелярии, то в какой-нибудь комиссии; затем он отправляется осматривать и инспектировать разные учреждения; затем следует прием всевозможных лиц, выслушивание докладов. Право, мне кажется, он один работает столько же, сколько все его чиновники вместе.

– Да, у него всегда была неутомимая натура. Сестра говорила, что одна мысль о беспокойной деятельности супруга расстраивает ей нервы.

Габриэль задумалась, опустив голову на руку.

– Мама, замужество твоей сестры, наверное, было очень скучным? – наконец спросила она.

– Скучным? Почему так решила?

– Ну, я думаю так после всего, что слышала в замке. Тетя жила в правом флигеле, а дядя – в левом; часто он по целым неделям не заглядывал в ее комнаты, а она – никогда в его; мне кажется, они ни разу не пообедали вместе. У каждого были отдельные экипажи и прислуга; каждый устроил жизнь по-своему и не справлялся о ней у другого. Очень странная жизнь.

– Ты ошибаешься, – возразила баронесса, для которой в подобного рода жизни не было ничего странного. – Это был счастливый брак во всех отношениях. Сестра никогда не испытывала огорчений и не знала сцен, которые в последние годы так часто приходилось переживать мне.

– Да, вы постоянно ссорились с папой, – наивно заметила Габриэль. – Дядя Арно, вероятно, никогда не делал этого, но зато и не заботился о своей жене, между тем как ему есть дело до всего, даже до моего прежнего воспитания. С его стороны было очень неучтиво сказать в твоём присутствии, как он это недавно сделал, что он находит мое образование слишком недостаточным и запущенным и что с первого взгляда видно, что я была предоставлена исключительно боннам и гувернанткам.

– К сожалению, я уже привыкла к такой бесцеремонности с его стороны, – со вздохом заметила баронесса. – Но переносу ее исключительно ради твоей будущности, мое дитя.

Но дочь, по-видимому, была не очень тронута материнской заботой.

– Он стал экзаменовывать меня, как маленькую школьницу, – продолжала она ворчать. – Своими перекрестными вопросами он загнал меня в такой тупик, что я не могла выбраться оттуда, и затем, пожав плечами, постановил, что мне нужно учиться и учиться. Он хочет пригласить для меня учителей из города, но я напрямик заявлю ему, что считаю это совершенно излишним.

– Ради Бога, не делай этого! Ты и так постоянно противоречишь своему опекуну, и я довольно часто испытываю смертельный страх, что твое своеволие и упрямство в конце концов рассердят его. Правда, до сих пор он с непонятным терпением относится к твоим выходкам, хотя обыкновенно не выносит ни малейшего противоречия.

– А мне очень хотелось бы, чтобы он когда-нибудь рассердился, – задорным тоном воскликнула Габриэль. – Я терпеть не могу, когда он со снисходительной улыбкой смотрит на меня с высоты своего величия, как будто я – слишком ничтожное дитя, чтобы рассердить его, и всегда лишь улыбается, когда я стараюсь сделать это. А когда он оказывает величайший знак своей милости, целуя меня в лоб, мне просто хочется сбежать от него. Как только я приближаюсь к дяде Арно, у меня такое чувство, что мне нужно всеми силами защищаться от всего, что исходит от него. Право, не знаю, что именно, но что-то тяготит и мучит меня. Я не могу обращаться с ним, как с прочими людьми, да... и не хочу этого.

В последних словах молодой девушки звучала твердая решимость; она взяла со стола шляпу и светлый зонтик и направилась к двери.

– Куда ты? – спросила баронесса.

– В сад... на полчаса, в комнатах слишком жарко. Баронесса стала отговаривать ее, убеждая прежде покончить с вопросом о туалетах, но Габриэль, по-видимому, потеряла всякий интерес к ним и не обратила ни малейшего внимания на доводы матери. Через минуту ее уже не было в комнате.

Сад находился позади замка, стены которого ограничивали его лишь с одной стороны, с другой он простирался до самого края замковой горы, оканчивавшейся крутым обрывом,

высокая стена обрушилась, а остатки ее, обвитые густым плющом, не мешали свободно смотреть вдаль. Вид на долину отсюда был замечательно красив. Сад, тенистый и мрачный, почти не пропускал солнечных лучей, но обладал своеобразной прелестью: его осеняли великолепные вековые липы, ветви которых сплетались в непроницаемый густой шатер. Могучие деревья как будто оберегали молодую поросль, поднявшуюся на месте прежних валов и укреплений и украшавшую своей свежей зеленью замковую гору. На зеленой лужайке посередине сада журчал старинный во вкусе восемнадцатого века фонтан. Темный влажный мох покрывал головы и руки каменных ундин,² поддерживающих раковину, из которой водяная струя, рассыпаясь тысячами брызг, падала в обширный бассейн.

«Ключ ундин», как называли фонтан, был так же стар, как и замок, и пользовался своеобразной славой в окрестности. С ним была связана легенда о его целительной силе, и никакой прогресс, никакое просвещение, ни даже то обстоятельство, что старый замок давно превратился в простое казенное здание, не могли уничтожить народное суеверие. В известные дни года из фонтана черпали «целительную» воду, которую употребляли как лекарство против всех болезней, к неудовольствию губернатора, протестовавшего против такого беспорядка. Он запретил вход в сад посторонним, но эта мера оказала как раз обратное действие: стали подкупать подарками слуг и делали тайно то, чего не могли делать открыто, а вода из ключа стала с тех пор во мнении народа не только целебной, но и святой.

Габриэль уже слышала об этом от барона, высказывавшего неудовольствие по этому поводу, и возможно, что именно чувство противоречия заставило ее избрать «Ключ ундин» любимым местом для прогулок. Вот и сегодня она пришла сюда и села на стоявшую у фонтана скамейку, но ни ундины, ни чудесный вид не могли приковать к себе внимание девушки.

Габриэль была в скверном расположении духа и имела к тому все основания. Она никак не могла примириться со строгим режимом в доме Равена, тем более, что он делал невозможными частые свидания с Георгом Винтерфельдом, на которые она рассчитывала. Они были теперь совершенно разлучены. Не считая случайных встреч при свидетелях, им приходилось ограничиваться мимолетными взглядами издали и приветствиями, которые Георг украдкой посылал к ее окнам. Он, конечно, искал свидания с девушкой и даже сделал визит баронессе, на что, как знакомый, имел право. Баронесса не возражала против визитов любезного молодого человека, но Равен дал понять свояченице, что не желает короткого знакомства между ними и молодым чиновником, который не должен был претендовать на такое отличие. Поэтому Георга приняли любезно, но не пригласили повторить визит.

Впрочем, Габриэль скорее нетерпеливо, чем болезненно, переносила все стеснения. После того как барон решительно определил ей роль ребенка, девушке сильно недоставало нежного и страстного ухаживания Винтерфельда, на которое прежде она смотрела, как на нечто само собой разумеющееся. Георг не находил ее образования «недостаточным и запущенным», он не экзаменовал ее и не навязывал необходимости учиться, как опекун. Для Георга она была любимым, обожаемым идеалом, он был счастлив уже от одного приветствия, которое она бросала ему издали. Но все-таки Габриэль сердилась на него. Почему он не пытался энергичным натиском сломать преграду, разделявшую их? Почему держался на таком почти отдалении? Почему не писал ей? Габриэль была слишком неопытна, чтобы оценить нежную заботливость, с которой Георг избегал всего, что могло бросить на нее хоть малейшую тень, и не понимала, что он предпочитал скорее переносить разлуку и быть вдали от своей любимой, чем предпринять что-либо, что могло скомпрометировать ее.

– Что, Габриэль, ты стараешься разгадать тайну «Ключа ундин»? – вдруг раздался голос позади нее.

² Ундины – водяные духи в образе женщины.

Девушка быстро обернулась – перед ней стоял барон Равен. Вообще он редко заходил в сад – у него не было ни времени, ни желания для уединенных прогулок. И сегодня его привело сюда, вероятно, что-нибудь особенное, так как, подойдя к фонтану, он начал внимательно осматривать его.

– Ну, дядя Арно, с этими тайнами ты, должно быть, лучше меня знаком, – смеясь, ответила Габриэль. – Я ведь здесь еще чужая, а ты уже давно живешь в замке.

– По-твоему, у меня есть время заниматься детскими сказками?

Презрительный тон, которым были произнесены эти слова, рассердил молодую девушку.

– Неужели ты никогда не любил детских сказок? – спросила она. – Даже когда был мальчиком?

– Даже и тогда. У меня и в то время было о чем подумать. Однако, несмотря на это, я шел сегодня именно к «Ключу ундин». Я приказал сломать его и засыпать источник, но прежде счел нужным убедиться, не пострадает ли от этого сад.

Габриэль испуганно вскочила и возмущенно воскликнула:

– Уничтожить фонтан? Зачем?

– Да в конце концов мне надоел беспорядок, связанный с ним. Никак не искоренить смешного суеверия: несмотря на мое строгое запрещение, все продолжают тайно черпать воду из фонтана и тем самым дают новую пищу людской глупости. Пора покончить с ней, а это возможно лишь путем уничтожения предмета суеверия. Жаль только, что приходится принести в жертву старую достопримечательность замка.

– Но тогда сад лишится самого лучшего своего украшения! Именно шум уединенного фонтана придает ему особенную прелесть. Неужели светлую серебристую воду навсегда загонят в мрачную землю? Это ужасно, дядя Арно! Я не перенесу этого.

– Ты не перенесешь? – спросил Равен, пристально глядя на девушку. Однако это не был тот грозный, повелительный взгляд, которым он умел пресечь всякое противоречие. По лицу барона даже скользнула улыбка. – В таком случае, конечно, не остается ничего другого, как взять назад свое приказание; правда, это было бы со мною впервые... Неужели, дитя мое, ты можешь подумать, что я пожертвую своим решением ради твоих романтических бредней?

Он опять снисходительно улыбнулся, что всегда приводило Габриэль в совершенное отчаяние. Выражение «дитя», естественно, не исправило дела. Глубоко оскорбленная в своем семнадцатилетнем достоинстве, она предпочла вовсе не отвечать и удовольствовалась возмущенным взглядом на опекуна.

– У тебя такой вид, как будто уничтожение фонтана – личное оскорбление для тебя, – сказал барон. – Мне кажется, ты все еще питаешь уважение к рассказам нянюшек и боишься призрачных ундин.

– Я хотела бы, чтобы ундины отомстили за эту насмешку и за угрозу уничтожить их! – воскликнула Габриэль довольно раздраженным тоном. – Меня, понятно, не коснулась бы их месть.

– Кого же, по-твоему? Меня? Успокойся, мое дитя, их месть может грозить лишь поэтическим натурам! По отношению ко мне все очарование ундин было бы бесполезно.

Они стояли возле самого фонтана. Вода журчала, с однообразным звуком падая из раковины в бассейн.

Вдруг дуновение ветра отклонило струю, и тысячи сверкающих брызг обдали душем барона и Габриэль. Девушка с легким криком отскочила, барон спокойно остался стоять на месте.

– Нам попало обоим, – сказал он. – Твои ундины, по-видимому, очень неразборчивы. Они адресуют свои влажные объятия как врагу, так и другу.

Габриэль подбежала к скамейке и стала носовым платком смахивать водяные капли с платья. Насмешка барона чрезвычайно рассердила ее, тем более что она не нашла, что на

нее ответить. Всякому другому она в свою очередь ответила бы насмешкой, но здесь не могла. Шутки барона всегда скрывали в себе сарказм, в его улыбке не было и следа веселости, и только злая ирония на мгновение прогоняла с его лица обычное серьезное выражение.

Барон быстрым движением стряхнул с сюртука водяные капли и тоже подошел к скамейке, на которой сидела девушка.

– Мне очень жаль, – продолжал он, – что приходится лишиться тебя твоего излюбленного места, но приговор над фонтаном уже произнесен. Тебе придется примириться с этим.

Габриэль бросила взгляд на фонтан, мечтательное журчание которого с первых же дней очаровало ее какой-то таинственной прелестью, и почти со слезами сказала:

– Да, я знаю, ты никогда не спрашиваешь о том, не причиняют ли твои приказания кому-нибудь горе, и потому просить тебя совершенно бесполезно.

– В самом деле? Ты уже знаешь это? – иронически спросил Равен.

– Да. Поэтому никто и не просит тебя ни о чем. Все боятся тебя... все, все – и слуги, и чиновники, и даже мама, и только я...

– А ты не боишься меня?

– Нет!

Слово прозвучало очень твердо и решительно в устах девушки. Она снова была в воинственном настроении и твердо решила рассердить опекуна; однако напрасно – он оставался совершенно спокойным.

– Счастье, что твоей матери нет здесь, – заметил он. – Она испытала бы смертельный страх за дерзкую девочку, которая не считает нужным покориться, что она сама делает с большим самоотречением. Тебе следовало бы взять с нее пример.

– Да, мама – сама покорность по отношению к тебе, – воскликнула Габриэль, все более и более волнуясь, – и требует того же от меня. Но я не хочу лицемерить, а любить тебя я не могу, дядя Арно, потому что ты не добр по отношению к нам и никогда не был добрым. Первый же твой прием был так унизителен, что я готова была тотчас же уехать от тебя, и с тех пор ежедневно, ежечасно, ежеминутно ты стараешься дать нам почувствовать, что мы зависим от тебя. Ты обращаешься к маме с таким пренебрежением, что очень часто заставляешь краснеть меня. С тем же пренебрежением ты говоришь и о моем отце, который уже в могиле и не может защищаться, а со мной обращаешься как с игрушкой, с которой вообще не стоит считаться.

Ты взял нас к себе, и мы живем в твоём замке, где все гораздо богаче и роскошнее, чем было в доме моих родителей. Но я охотнее оставалась бы сейчас в нашем швейцарском изгнании, как мама называет нашу маленькую дачу на озере, где все было просто и скромно, и где мы едва ли имели все необходимое, но зато были свободны от тебя и твоей тирании. Мама требует, чтобы я терпеливо сносила ее, потому что ты богат и от тебя зависит моя будущность, но я не желаю твоего состояния. Мне нет дела до того, кого ты назначил своими наследниками. Я хочу лишь уехать отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Габриэль вскочила и стояла перед Равеном в страстном возбуждении, энергично выдвинув вперед свою маленькую ножку, с глазами, полными слез от гнева и обиды. Однако в этой бурной вспышке было нечто большее, чем упрямство своенравного ребенка. Каждое слово девушки выдавало оскорбленное достоинство, душевную обиду, и слишком много правды звучало в обвинении, смело брошенном ею в лицо опекуну.

Равен не прерывал ее ни единым словом. Он лишь пристально смотрел на нее и, когда она смолкла, а из ее глаз хлынул поток слез, он вдруг склонился к ней и с глубокой серьезностью в голосе произнес:

– Не плачь, Габриэль! По отношению к тебе я не был несправедлив.

Габриэль перестала плакать. Опомнившись, она ясно представила себе всю неосторожность своих слов. Она ожидала взрыва гнева, и вдруг вместо него это непонятное спокойствие; молча, почти робко, она потупилась.

– Итак, ты «не желаешь моего состояния», – продолжал барон. – Откуда же тебе вообще известно, кого я намерен назначить своим наследником? Я никогда не говорил тебе об этом, и, значит, относительно этого предмета у тебя были беседы с твоей матерью.

Молодая девушка вся так и вспыхнула.

– Не знаю... мы никогда...

– Не пытайся отрицать, дитя мое, – прервал ее Равен. – Ложь так же не свойственна тебе, как и расчетливость, иначе ты не вела бы себя так со мной. Я не сержусь на тебя за это; я могу простить тебе твое упрямство, но никогда не простил бы расчета и лицемерия в твои семнадцать лет. Слава Богу, воспитание еще не так испортило тебя, как я предполагал.

Как будто ничего не произошло, барон спокойно взял ее за руку, притянул к скамейке и сам сел рядом. Габриэль слегка отодвинулась.

– Что же, ты предлагаешь мне считать войну объявленной? – сказал барон. – Твоя мать, конечно, не примет в ней участия, по крайней мере открыто. Она, во всяком случае, внушает тебе необходимость быть в высшей степени любезной по отношению к «высочке».

– Зачем ты так говоришь? – смущенно пробормотала девушка.

– Ну, это не может быть тебе неизвестно. Насколько я знаю, только так величали мою особу в доме твоих родителей.

На сей раз Габриэль смело выдержала взгляд барона.

– Я знаю, что мои родители не любили тебя, но ведь и ты всегда враждебно держался по отношению к ним.

– Я ли по отношению к ним, или они по отношению ко мне – в конце концов это все равно. Есть вещи, о которых ты еще не в состоянии судить, Габриэль. Ты не имеешь понятия о том, что значит с таким положением, какое когда-то было у меня, вступить в аристократическую семью и ее общество. У меня там был один единственный друг – твой дедушка. У всех остальных я еще должен был завоевать себе место, а для этого существуют лишь два пути: либо, делая вид, что высоко ценишь честь, которой тебя удостоили, терпеливо склоняться перед всеми унижениями, в изобилии сыплющимися на голову высочки, и довольствоваться тем, чтобы быть терпимым, – а все это не в моем характере; либо стать во главе всего общества, дать почувствовать, что есть еще иная сила, кроме родословных, и при каждом удобном случае попираешь ногами предрассудки представителей «общества». Таким образом заставляют преклоняться их самих. Вообще покорять людей гораздо легче, чем думают. Нужно только уметь импонировать им, в этом заключается вся тайна успеха.

Габриэль покачала головой и, как бы про себя, тихо промолвила:

– Суровые принципы!

– Это – опыт тридцати лет, на которые я старше тебя. Неужели, по-твоему, у меня так никогда и не было идеалов, мечтаний и одушевления? Не было пылких переживаний юности? Но со вступлением в жизнь всему этому наступает конец. В такую жизнь, как моя, не берут с собой мечтаний. Они приковывают к земле, а я хотел вознестись – и вознесся. Правда, я дорого заплатил за это, пожалуй, даже слишком дорого, но все равно достиг своего.

– И счастлив благодаря тому? – сорвалось с уст девушки.

– Счастлив! – пожал плечами Равен. – Ведь жизнь – борьба, а не блаженство. Либо повергают соперника, либо он повергает тебя. Третьего исхода нет. Правда, ты смотришь на все совершенно другими глазами. Жизнь для тебя – это солнечный день. Ты еще веришь в то, что там, в мерцающей дали, за голубыми вершинами гор, лежит рай счастья и блаженства... Ты ошибаешься, дитя мое. Золотые лучи солнца освещают целое море печали и горя, а за голубыми вершинами гор – тот же тернистый путь от колыбели до могилы, который мы еще более затрудняем своей злобой и борьбой за существование. Жизнь существует лишь для ежедневных поражений, а мы, люди, – для того, чтобы презирать их.

Эти слова звучали сурово, но выражали решительное убеждение человека, защищающего свои непоколебимые принципы. Правда, глубокая горечь, которой они были проникнуты, ускользнула от чуткой молодой девушки, с какой-то смесью жалости и возмущения выслушивающей исповедь своего опекуна.

– Однако наступает время, когда эта вечная борьба надоедает наконец, – продолжал Равен, – когда задаешь себе вопрос, стоит ли та высота, о которой когда-то мечтал, того, чтобы пожертвовать ради нее всем; когда подводишь итог всех своих успехов, борьбы и усилий и чувствуешь, что устаешь сердцем в этой игре... А я часто устаю... очень часто.

Он откинулся на спинку скамьи и устремил задумчивый взгляд вдаль. В этом взгляде сейчас отражалось страдание, а в голосе ясно слышалась глубокая усталость, о которой он говорил. Габриэль молчала, пораженная оборотом, который принял их разговор. До сих пор она знала в бароне лишь железного, неприступного человека с ледяным спокойствием и повелительным тоном. Даже его обращение с ней всегда было лишь снисхождением к кругозору ребенка. Он никогда и не говорил с ней иначе, как с насмешливым добродушием, и сейчас впервые изменил строгой замкнутости своей натуры. Габриэль заглянула в такую глубину, о которой даже не подозревала. Но она инстинктивно чувствовала, что не следует касаться и вызывать наружу все то, что там погребено.

Наступила продолжительная пауза. И барон, и девушка смотрели на далекий ландшафт, открывавшийся перед ними. Лето, казалось, развертывало перед своим уходом все свое великолепие. Яркие лучи солнца заливали старинный город, ложились на луга и поля, на ближние и дальние селения, сверкали на поверхности реки, протекавшей по долине. Вокруг смыкали свое кольцо горы, уходя вверх мягкими линиями или выступая зубчатыми пиками. Среди зеленых пастбищ и темных рощ виднелись то белая часовня, то старинное горное укрепление. А над всем этим раскинулся лазоревый небосвод, и золотистый солнечный свет, казалось, насыщал собой весь воздух и всю землю.

Не могло быть более резкого контраста, чем этот солнечный мир и глубокая, прохладная тень и уединенность замкового сада. В его зеленом сумраке неумолчно журчала струя фонтана, рассыпаясь мириадами брызг.

Прокравшийся сюда солнечный луч вдруг касался капель воды, и они, сверкнув как алмазы, тут же угасали. И снова в тени сквозь дымку водяной вуали призрачно просвечивали фигуры ундин.

Знойный полдень, казалось, погрузил все в мечтательный покой; ни одна птица не нарушала неподвижности воздуха, ни один лист не шевелился на деревьях. И журчание «Ключа ундин» только подчеркивало царящую кругом глубокую тишину. То был язык источника, с незапамятных времен пробившего себе ложе в горе и уже более столетия в своем каменном одеянии верно сторожившего покой замкового сада. Он пережил времена, когда на месте замка стояло горное укрепление; дикие, кровавые годы, полные борьбы и раздоров, побед и поражений; блестящую, великолепную эпоху, наступившую с появлением княжеского замка. Мировые события возникали и проходили, поколения рождались и умирали; наконец наступило и новое время, когда все изменилось и приобрело другую окраску, все, кроме источника замковой горы, как будто старая легенда оградила его защитной стеной. Но вот теперь наступил и его час; каменные фигуры, окружавшие ключ, должны были пасть, а ему самому предстояло уйти из-под солнечных лучей в вечное изгнание в темные земные недра.

Мечтательное журчание оказывало свое магическое действие и на мрачного человека, дотоле никогда не знавшего ни одиноких грез, ни их поэзии, и на юную, цветущую девушку, до сих пор порхавшую по жизни с неизменной улыбкой, не имея понятия о горестях и заботах. Кипучая жизненная борьба честолюбца и радостные детские грезы девушки исчезли в этом загадочном очаровании. Внешний мир с его ярким солнечным светом отходил все дальше под монотонное мелодичное журчание и наконец совершенно исчез для них. Мрачные тени оку-

тали обоих и увлекли, как в глубоком сне в таинственную глубину, куда не проникал шум жизни, где замерли борьба и желания, счастье и горе...

Снизу, из города, донесся звон полуденного колокола. Мягкие звуки рассеяли странные образы, навеянные журчанием фонтана. Равен поднял голову, словно неприятно пробужденный от сна. Габриэль быстро вскочила со скамьи и почти бегом направилась к руинам стены, там она склонилась, прислушиваясь к звукам колокола. Они плыли по тихому воздуху, как тогда на озере, когда она просталась с Георгом.

Габриэль не докончила своей мысли.

Почему имя Георга прозвучало в ее памяти как бы укором? Почему его образ так отчетливо предстал перед ней, словно защищая свои права? Звуки колокола ведь ничего не сказали, когда она с легкомысленной улыбкой просталась с Георгом; а теперь при воспоминании об этом они заставили ее сердце болезненно сжаться, словно прося не уклоняться от золотистого солнечного света ради неизведанных глубин, словно предостерегая от неизвестной опасности, окружавшей ее. Девушкой овладело невыразимо жуткое чувство.

Барон тоже поднялся и подошел к ней.

– Ты ведь форменным образом сбежала, – медленно произнес он. – От кого? Может быть, от меня?

Габриэль с улыбкой, стараясь овладеть собой, ответила:

– От журчания «Ключа ундин». Он так странно, призрачно журчит в этот тихий полуденный час.

– И все же ты избрала его своим излюбленным местом?

– Он ведь так стар, а завтра по твоему приказанию, может быть, превратится в груды земли и камней, и...

– И я не справился о том, не огорчит ли кого-нибудь мое распоряжение? – добавил Равен, когда она запнулась. – Пусть так, но... неужели ты и в самом деле настолько любишь этот источник, Габриэль, что его уничтожение причинит тебе серьезное горе?

– Да! – тихо произнесла Габриэль, поднимая на него свой взор.

Девушка не выразила своей просьбы словами, но ее глаза, на которые снова навернулись слезы, горячо молили за источник, которому грозило уничтожение. Равен молча отвернулся; наступила продолжительная пауза. Наконец он сказал:

– Прежде я испугал тебя своими суровыми воззрениями на жизнь. Но кто сказал, что ты должна разделять их? Я забыл, что юность имеет свои права на грезы и что жестоко отнимать их у нее. Продолжай верить в золотое будущее. Тебе еще рано не доверять людям, и едва ли ты скоро ознакомишься с их ненавистью.

Его голос звучал особенно мягко, и во взоре не было обычной жестокости. Но Арно Равену недоступны были такие душевные движения, и, очевидно, они вообще не суждены были ему, потому что как раз в эту минуту сзади раздались шаги, и когда они обернулись, то увидели смотрителя замка, направлявшегося к ним с пожилым человеком, по внешнему виду ремесленником. При виде губернатора оба остановились и почтительно раскланялись. Равен разом сбросил с себя непривычную мягкость.

– Что вам нужно? – спросил он обычным повелительным тоном.

– Ваше превосходительство изволили приказать сломать фонтан и засыпать источник, – ответил ремесленник. – Это будет исполнено сегодня же, через час придут мои рабочие; я хотел только посмотреть, много ли труда и времени потребуется для этого.

Барон молча взглянул на фонтан и перевел взор на Габриэль, все еще стоявшую возле него; в течение нескольких секунд в нем происходила едва заметная борьба.

– Отошлите людей, – приказал он затем. – Уничтожение фонтана может повредить саду, пусть останется. Я отдам относительно него другие распоряжения.

Барон жестом отпустил зрителя и ремесленника; они, конечно, не осмелились сказать ни слова, но когда уходили, лица их выражали крайнее изумление. Это был первый случай, когда губернатор отменял решительно отданное приказание.

Равен подошел к краю фонтана и стал смотреть на падающие капли воды. Габриэль осталась стоять у стены, затем медленными, нерешительными шагами подошла к барону и вдруг протянула к нему обе руки.

– Спасибо! – взволнованно произнесла она. Барон улыбнулся, но без своего обычного сарказма.

По его лицу словно промелькнул солнечный луч, когда он схватил протянутую руку девушки, вместе с тем притягивая к себе левой рукой ее головку, чтобы поцеловать в лоб. В этом не было ничего необычного – он всегда делал то же, когда Габриэль за завтраком здоровалась с ним, и она до сих пор принимала это настолько же непринужденно, насколько холодно и равнодушно ее опекун пользовался своим отеческим правом. Сегодня молодая девушка впервые невольно отклонилась от его ласки, и Равен почувствовал, как ее рука дрогнула в его руке. Он вдруг выпрямился, даже не коснувшись губами лба Габриэли и выпустил ее руку.

– Ты права, – сказал он сдавленным голосом, – в журчании фонтана действительно есть что-то призрачное... Пойдем!

Они направились к замку. Позади них пел и искрился источник. Угрожавшее ему уничтожение было предотвращено, молчаливая мольба девушки и ее слезы спасли его. Суровый человек, давно переживший пору романтических увлечений, вероятно, почувствовал в эту минуту, что и он не застрахован от очарования ундины...

Глава V

Георг Винтерфельд сидел у себя дома за письменным столом. У него был утомленный вид; свежий цвет лица, с которым он возвратился из недавнего путешествия, уже успел исчезнуть. Георг слишком много работал. Служебные обязанности отнимали у него очень много времени, а он еще считал необходимым посвящать каждую свободную от занятий минуту своему дальнейшему образованию, которое могло принести ему пользу в будущем. Очень часто молодой человек работал в ущерб своему здоровью, руководствуясь более благородными побуждениями, чем честолюбие. С каждым шагом вперед уменьшалась бездна, лежавшая между ним и его возлюбленной, а он был слишком уверен в своих силах, чтобы не питать надежды на то, что в недалеком будущем это бездна совершенно исчезнет.

Сослуживцы Винтерфельда, ограничивавшие свой труд теми обязанностями, которые несли в стенах канцелярии, не имели понятия о его усиленной умственной деятельности. Только пронизательный взор его начальника заметил его огромное трудолюбие и недюжинное дарование, хотя у молодого чиновника еще не было случая проявить их на деле.

Георг особенно любил работать утром. Вот и сегодня он сидел над юридическим сочинением и так углубился в него, что совершенно не заметил, как в передней хлопнула дверь.

– Не трудитесь, пожалуйста! Я сам найду дорогу к господину ассессору, – произнес чей-то знакомый голос, и только при его звуках Георг в изумлении вскочил со своего места.

В ту же минуту посетитель уже вошел в комнату.

– Здравствуй, Георг! Это я!

– Макс! Какими судьбами? – радостно воскликнул Винтерфельд, спеша навстречу другу. – Как ты попал в Р.?

– Прямо из дома, – ответил Макс Бруннов, дружески здороваясь с товарищем. – Я всего лишь полчаса тому назад остановился в гостинице и тотчас же отправился к тебе.

– Но почему же ты не написал мне? Хотел сделать сюрприз?

– Вовсе нет. Ты, может быть, думаешь, что меня привело сюда идеальное чувство дружбы? Ошибаешься, далеко не то. У меня здесь совершенно реальное дело, а именно хлопоты о наследстве. Но прежде всего – что с тобой? Ты так побледнел... Впрочем, если с самого раннего утра ты уже сидишь за книгами... Георг, ты неисправим!

С этими словами Макс выразил явное намерение схватить приятеля за руку, чтобы проверить пульс, но Георг, смеясь, оттолкнул его и усадил на диван.

– Оставь, пожалуйста, свои докторские замашки, я чувствую себя великолепно! Итак, ты приехал по делу о наследстве? Что же, на тебя свалилось богатство?

– Не богатство, – возразил Макс Бруннов, – а лишь небольшое состояние, оставшееся после одного старого родственника, владевшего поместьем близ Р. Я даже не знал его лично. Между ним и моим отцом уже давно произошел полный разрыв все из-за того же политического прошлого. Теперь родственник этот умер, не имея прямого наследника и не оставив завещания, и здешний окружной суд известил об этом отца, как его ближайшего родственника, приглашая предъявить свои права на наследство. Разумеется, отец не может сделать это лично, поскольку, едва переступив границу своего отечества, очутится в крепости, которую некогда покинул не совсем обычным путем, а именно при помощи веревочной лестницы. Поэтому ему пришлось послать меня в качестве своего доверенного.

– У тебя есть доверенность? – спросил Георг.

– Самая полная, – ответил Макс. – Но, несмотря на это, будет достаточно много проволочек и формальностей. Во-первых, усложняет дело бегство отца и его продолжительное отсутствие, а затем порочное имя революционера едва ли расположит здешних судей к особенной любезности по отношению к нему. В предвидении этого я взял более продолжительный отпуск

и думаю пробить в Р. до окончания дела. Я весьма рассчитываю на твои юридические советы и помощь.

– Весь к твоим услугам. Но прежде всего переезжай из гостиницы ко мне, у меня хватит места.

– С твоего разрешения я не сделаю этого, – сухо ответил Макс.

– Почему?

– Потому что не хочу навлечь на тебя неприятности со стороны начальства. Разве ты можешь дать мне слово, что твое пребывание у нас осталось незамеченным и не имело никаких последствий?

– Правда, мне пришлось выслушать несколько неприятных слов от своего начальника. Однако осторожность в моем положении имеет свои границы. Я ни за что не пожертвую дружбой.

– Этого вовсе и не требуется, но незачем вызывать и конфликты. Тебе известно, что я ни во что не ставлю бесцельное самопожертвование, а твое приглашение является именно таким. Не возражай, Георг, я останусь в гостинице. Ты и так достаточно компрометируешь себя в глазах всех этих лояльных господ, не отрекаясь от дружбы со мной.

Отказ был произнесен таким решительным тоном, что Георг не стал настаивать.

– В таком случае позволь по крайней мере поздравить тебя с получением наследства, – сказал он. – Я думаю, что если оно и не велико, то все же весьма существенно для вас.

– Конечно, и главным образом для отца. Теперь, когда вопрос о хлебе насущном навсегда отойдет на задний план, он сможет беспрепятственно отдаться своей любимой науке. Да и я приобрету благодаря этому давно желанную самостоятельность. Я уже давно бросил бы свое место в больнице, если бы не необходимость прочного обеспечения нашего домашнего обихода. А теперь это излишне. Я создам себе практику и женюсь.

– Ты хочешь жениться? – изумился Георг. – На ком же?

– Я и сам не знаю. Как только обзаведусь собственным углом, начну подыскивать невесту.

– Среди дочерей Швейцарии?

– Конечно. Я высоко ценю деятельный и практический характер этого народа, хотя по временам его представители бывают довольно грубоваты. Впрочем, я и не ищу нежной жены – муж и жена должны подходить друг к другу.

– Ты весьма трезво рассуждаешь, – насмешливо заметил Георг. – Вероятно, уже составил и перечень тех качеств, которыми должна обладать твоя будущая жена? Итак, параграф первый!

– Состояние! – лаконически произнес Макс. – Оно необходимо. Параграф второй: практическое домашнее воспитание, что не менее важно, если хочешь вести удобный образ жизни. Параграф третий: цветущее здоровье; для врача, который возится всю жизнь со всевозможными болезнями, вовсе не желательно разыгрывать эту профессиональную роль и в своем доме. Параграф четвертый...

– Ради Бога, перестань! – прервал его Винтерфельд. – Я верю, что для твоего семейного счастья необходимо по крайней мере двенадцать параграфов. Но любовь, надо полагать, не упомянута ни в одном из них?

– Любовь приходит сама собой после свадьбы, – уверенно сказал молодой врач, – по крайней мере у людей благоразумных, и самыми лучшими браками оказываются те, при заключении которых принимаются в расчет характер будущих супругов и материальные условия. Как только я найду девушку, подходящую к моей программе, сейчас же сделаю предложение и женюсь...

Георг, положив руку на плечо своего друга, сказал:

– Милый Макс, я отлично понимаю, к кому относится вся твоя проповедь; к сожалению, она бесполезна. Разумеется, ты сам поймешь это только тогда, когда страсть перевернет вверх дном все твои параграфы.

– О, я не мечтатель! – возразил Макс. – Предоставляю мечтания другим. Кстати, как обстоят твои дела с твоей возлюбленной? Имеешь ли ты в виду и здесь для меня роль поверенного любовных тайн, а при необходимости и часового?

– Нет, Макс, об этом не может быть и речи! Я почти не вижу Габриэли и всего лишь единственный раз говорил с ней в присутствии ее матери. Губернатор окружил себя и свой дом настоящей крепостной стеной важной замкнутости, и нет никакой возможности преодолеть ее.

– Бедняга! – с состраданием произнес Макс. – Теперь мне вполне понятен твой элегический вид. Видишь, что бывает, когда принимаешь слишком близко к сердцу подобные вещи? Моя «программа» и мои «параграфы» вполне гарантируют меня от этого.

Георг взглянул на часы и сказал:

– Прости, пожалуйста, мне нужно идти в канцелярию. Скоро начнутся занятия. После трех я опять буду свободен и тогда приду к тебе. Может быть, проводить тебя до гостиницы?

Молодой врач предпочел проводить своего друга до места его службы, и они вместе отправились в путь. Оживленно разговаривая, они не заметили, как достигли подошвы замковой горы и здесь столкнулись с советником Мозером.

Последний жил в самом здании губернского правления, но ежедневно перед началом занятий совершал прогулку по городским улицам. С нее-то он и возвращался теперь. Он шел своим обычным медленным, мерным, торжественным шагом и с большим достоинством ответил на поклон своего молодого подчиненного.

– У вас утомленный вид, господин ассессор, – начал он весьма благосклонно. – Даже его превосходительство изволил заметить и спрашивал меня об этом. По мнению его превосходительства, вы слишком много работаете и подрываете этим свое здоровье. И для добрых дел должна быть мера, вам следует щадить себя.

– Я довольно часто проповедую это своему другу, – заметил Макс, – но безуспешно. Он не обращает никакого внимания на мои врачебные советы.

– Вы – врач? – спросил Мозер, очевидно ждавший, что ему представят незнакомого молодого человека.

– Мой друг доктор Бруннов, – произнес Георг Винтерфельд, – советник Мозер.

Старый чиновник вдруг разом вынырнул из своего галстука.

– Бруннов... Бруннов, – повторил он, словно что-то припоминая.

– Вам знакомо это имя, господин Мозер? – спокойно спросил Макс.

С лица старика сразу исчезло благосклонное выражение, и он почти с ужасом резко ответил:

– В былое время это имя часто упоминалось, сперва во время революции, затем на суде и наконец в крепости, при бегстве оттуда одного из арестантов. Надеюсь, у вас нет ничего общего с доктором Брунновым, о котором я говорю?

– Совершенно напротив, слишком много общего, – с весьма учтивым поклоном возразил Макс. – Доктор Бруннов – мой отец.

Мозер торопливо отступил на несколько шагов, словно желая оградить себя от возможного соприкосновения с одиозной личностью, а затем повернулся спиной к Бруннову и обратил весь свой гнев на Винтерфельда.

– Господин ассессор, – начал он уничтожающим тоном, – существуют чиновники... весьма деятельные и способные чиновники, которые почему-то не знают или не хотят признавать первого и самого священного долга каждого слуги государства – лояльности. Знаете вы таких чиновников?

– Не знаю... – как будто смутился Георг.

– Ну, а я знаю, – с необыкновенной торжественностью произнес Мозер, – и очень жалею их, потому что они в большинстве случаев являются жертвами заблуждения или дурного примера. Молодой человек нахмурился. Правда, он привык к подобным благочестивым проповедям своего начальника, но теперь, в присутствии своего друга, не мог смириться с нотацией и потому раздраженно ответил:

– Будьте уверены, господин советник, что я отлично сознаю свой долг, но об этом...

– Да, я знаю, что молодежь вся поголовно считает себя реформаторами и находит обязательным для себя быть в оппозиции, – прервал его Мозер, очень любивший кстати и некстати

цитировать изречения своего начальника, – но это весьма опасно, так как оппозиция ведет к революции, а революция... – старый чиновник даже вздрогнул, – это нечто ужасное!

– Чрезвычайно ужасное, господин советник! – с особенным ударением повторил Бруннов.

– Вы находите? – спросил Мозер, несколько сбитый с толку неожиданным единомыслием.

– Безусловно, – подтвердил Макс, – и потому я нахожу, что вы поступаете весьма достойно, стараясь образумить моего друга. Я и сам часто говорил ему, что он недостаточно лоялен.

Мозер остолбенел при этих словах, произнесенных совершенно серьезным тоном. Он только что собрался отвечать, как вдруг опять нырнул в свой галстук и, приняв почтительно позу, вполголоса произнес, снимая шляпу:

– Его превосходительство!

Это в самом деле был губернатор, пешком направлявшийся в город. Он с холодной сдержанностью ответил на их поклон, мельком скользнул взглядом по Макс Бруннову, и затем обратился к Мозеру:

– Хорошо, что я встретил вас, господин советник! Мне нужно кое-что сообщить вам. Пойдемте на несколько минут со мной.

Мозер присоединился к губернатору, и они направились в город, между тем как молодые люди продолжали свой путь к замку.

– Вот это и есть ваш деспот? – спросил Бруннов. – Пресловутый и грозный барон Равен! Нужно отдать ему справедливость, у него очень представительная внешность. Какая княжеская осанка! И при том этот повелительный взор, которым он окинул меня! Сразу видно человека, привыкшего властвовать.

– И сгибать всех в дугу, – с горечью добавил Георг. – Мы только недавно снова имели случай наблюдать это. Весь город взволнован неслыханными полицейскими постановлениями, изданными губернатором. Он силой желает сломить оппозицию, которая становится все более и более мощной и грозной. Он дал этим пощечину всем жителям города.

– И добрые горожане Р. спокойно приняли ее?

– Что же им делать? Восстать против назначенного правительством губернатора? Это повлекло бы за собой тягостные последствия. А между тем, пожалуй, достаточно, было бы раскрыть правительству истинное положение вещей и обнаружить пред всей страной произвол и самоуправство представителя власти, злоупотребляющего вверенными ему полномочиями. Если бы это случилось, его падение было бы неизбежно.

– Или правительство вместо того устранило бы неудобного критика, что уже бывало, и не раз. Равен не похож на человека, которого легко свергнуть; при своем падении он по крайней мере увлечет за собой всех своих врагов.

– И все же рано или поздно это случится, – решительно произнес Винтерфельд. – Найдется же в конце концов такой смельчак!

– Не ты ли будешь им? Не глупи, Георг, и не суйся прежде других в огонь! Это может стоить тебе не только карьеры, но и жизни. Да и кроме того... разве ты забыл о том, что барон – опекун твоей обожаемой Габриэли? Если ты прогневаешь его, у него хорошее оружие в руках, чтобы на всю жизнь лишить тебя счастья.

– Барон сделает это и так, – мрачно возразил Георг. – Он безусловно постарается связать Габриэль каким-нибудь блестящим браком, и если только узнает, что я могу помешать этому, то мне придется ожидать всего наихудшего.

– А с ним, вероятно, нелегко бороться, – добавил Макс. – Я вполне понимаю, что ты вдвойне ненавидишь его.

– Ненавижу? – нерешительно повторил Георг. – Много меня удивляет в нем, а город и провинция за многое весьма признательны ему. Его могучая энергия повсюду открыла вспомогательные источники процветания, повсюду пробудила к деятельности новые силы; зато своей железной рукой он придушил всякую мысль о свободе. Реакция обязана ему своим злостным торжеством. К счастью, оно кончается. Старая система колеблется, и все ее приспешники стараются спасти то, что еще возможно спасти. Только один Равен с упорной последовательностью не желает расстаться с прошлым; он не допускает никаких уступок и не обращает ни малейшего внимания на предостережения, достигающие его слуха. Не могу понять, что это – ослепление или же такая твердость характера?

– Твердость характера... у ренегата? – презрительно произнес Бруннов.

– Макс, – произнес Винтерфельд, задумчиво опустив взор. – У меня бывают минуты, когда я готов скорее усомниться в словах твоего отца, чем заподозрить что-нибудь бесчестное в поступках своего начальника. Он может пойти на преступление из страсти или жажды власти, но не способен на обыкновенное низкое предательство – все в нем противоречит этому.

– И все же он сделал это, – возразил Бруннов. – Неужели, по-твоему, отец мог бы так беспощадно осудить своего кумира, не имея для того достаточных оснований? Вся жизнь Арно Равена служит достаточным доказательством предательства. Некогда он был пылким борцом за свободу... а теперь?

– Ты прав, Макс, и все же... Однако нам пора расстаться, мы уже у замка.

Они и в самом деле уже подошли к зданию губернского правления и здесь расстались. Условившись встретиться после обеда, Георг отправился в канцелярию, а Макс стал осматривать замок. Впрочем, молодой врач мало интересовался архитектурой и старинным романтизмом замка, он обратил на него внимание ради его теперешнего хозяина.

Макс побродил по сводчатым переходам и галереям и уже решил вернуться обратно, но заблудился и попал вместо выхода в один из боковых флигелей. Он заметил ошибку только тогда, когда вошел в коридор, несомненно, ведущий в чью-то квартиру, и хотел было уже повернуть обратно, как вдруг дверь квартиры отворилась, и из нее выглянула пожилая женщина.

– Ах, это вы, господин доктор! – радостно произнесла она. – Прошу вас, пожалуйста, фрейлейн ждет вас.

– Меня? – спросил Макс, изумленный этим приветствием.

– Конечно! Вы ведь доктор?

– Да, я доктор.

– В таком случае войдите. Я сейчас доложу о вас фрейлейн.

С этими словами женщина – судя по внешности, экономка или ключница – исчезла в комнатах; Макс же остался в передней.

– Вот это я называю везением, – вполголоса произнес он. – Не успел я приехать в Р., как уже неожиданно получаю практику. Посмотрим, в чем тут дело.

Дело быстро выяснилось. Через несколько минут женщина вернулась в переднюю и провела его в уютно обставленную гостиную, где у окна сидела молодая девушка. При появлении Макса она встала и направилась к нему навстречу.

Девушка, в возрасте не больше семнадцати лет, была высока и стройна, но очень болезненна на вид. Прозрачная бледность покрывала ее симпатичное личико, под глазами залегли синеватые круги, и даже на губах почти не было заметно румянца. Черное платье, без какой-либо отделки, отличалось чрезмерной простотой и монашеским покроем; рукава были плотно стянуты у кистей, высокий воротник закрывал всю шею. Волосы девушки совершенно скрывал черный кружевной платок. Она в робком смущении, потупив взор, стояла перед доктором и не произнесла ни слова.

– Вы нуждаетесь во врачебной помощи? – спросил наконец Макс, так и не дождавшись ее обращения. – Я к вашим услугам.

При звуке его голоса молодая девушка подняла взор, но затем снова опустила глаза и с робостью отступила.

Молодость доктора, казалось, навела на размышления и ее пожилую компаньонку, поскольку она подошла вплотную к девушке и не отступала от нее ни на шаг.

– Мой отец желает, – наконец заговорила девушка мягким, мелодичным голосом, – чтобы я посоветовалась с врачом. Разумеется, это совершенно лишнее, я не чувствую себя больной.

– Однако вы очень больны, – перебила ее пожилая женщина, – и господин советник того же мнения.

– Господин Мозер? – спросил Макс, внезапно догадавшись, в чей дом он случайно попал.

– Да. Разве вы не говорили с ним?

– Всего за десять минут перед тем, как пришел сюда, – заметил молодой врач, с трудом сдерживая улыбку.

Макс мысленно представил себе «лояльного» советника, с ужасом попятившегося от него при имени его отца. При всяких других обстоятельствах Макс, вероятно, объяснил бы ошибку, но теперь думал только о том, как будет злиться старик, когда обнаружит присутствие отпрыска революционера в своей собственной квартире. Бруннов решил не сдавать позиции. Он взял руку девушки и стал считать пульс.

– Но у вас очень болезненный вид, сударыня. Не разрешите ли вы мне предложить вам несколько вопросов?

И Макс стал расспрашивать. Обследуя пациента, он всегда полностью отдавался своей роли врача и интересовался исключительно его болезнью. Так и теперь он задавал короткие вопросы, ясные и определенные, не уклоняясь от своего предмета, и это, казалось, малопомалу внушило доверие его молодой пациентке. Она стала непринужденнее и обстоятельнее отвечать на его вопросы.

Наконец Макс закончил свои расспросы и, по-видимому, вполне удовлетворенный, сказал:

– По-моему, нет оснований для серьезных опасений. Ваша болезнь нервного происхождения. Она, может быть, вызвана сильным душевным напряжением и усилилась от недостатка воздуха и движения.

– Совершенно верно, – перебила его экономка, – фрейлейн Агнеса совершенно не любит движения и вовсе не выходила бы на воздух, если бы ежедневно не ходила к заутрене. Я постоянно говорю, что молитвы, умерщвление плоти и посты...

– Христина! – прервала ее девушка умоляющим голосом.

– Ах, да доктору нужно во всем исповедаться, – возразила Христина. – Фрейлейн Агнеса в самом деле злоупотребляет своей религиозностью и по целым дням не подымается с коленей.

– Это очень вредно. Вам нужно изменить свое поведение, – властным тоном произнес врач.

Агнеса испуганно взглянула на него, словно не веря своим ушам.

– Господин доктор...

– Придется прекратить и ежедневные хождения к заутрене, – так же решительно продолжал Макс, не обращая внимания на восклицание девушки. – Вам следует остерегаться простуды, а по утрам уже довольно холодно. Что же касается постов, то я решительным образом запрещаю их раз и навсегда: для вашего слабого здоровья это – настоящий яд.

– Однако, господин доктор... – снова начала было Агнеса, но и это ее возражение не могло сбить Макса с занятой им позиции.

– Затем я предписываю вам ежедневные продолжительные прогулки, но в полуденное время; побольше воздуха, движений и развлечений. Вскоре ведь начинается зимний сезон с его развлечениями. Конечно, вам вредно слишком много танцевать.

Агнеса быстро отступила шага три назад.

– Танцевать? – вне себя повторила она. – Танцевать?

– Да, а почему же и не танцевать? Все молодые девушки танцуют. Вы ведь не хотите быть исключением?

– Я никогда в жизни не танцевала, – поспешила решительно ответить Агнеса. – Я всегда была далека от всех светских развлечений. Они греховны, и я чувствую к ним отвращение.

– Все же я посоветовал бы вам испробовать это, – добродушно заметил Макс, – а пока пропишу лекарство и через несколько дней снова навещу вас; тогда посмотрим, что делать дальше. Будьте добры дать мне бумагу и перо!

Христина принесла то и другое, и Макс начал писать рецепт; Агнеса же отошла к окну и остановилась там, сжимая руки, с явным выражением ужаса на лице. Написав рецепт, Макс снова подошел к молодой девушке и, без церемонии разжав ее руки, стал снова считать пульс.

– Так! – произнес он наконец. – Теперь прошу вас точно следовать моим предписаниям. Тогда можно будет надеяться на быструю поправку. До свидания, фрейлейн!

Макс ушел. Христина заперла за ним дверь и вернулась в комнату.

– Этот доктор знает свое дело, – сказала она. – Он приказывает и распоряжается, как будто он здесь настоящий хозяин. Как вы находите доктора?

– Я нахожу его безбожником и слишком молодым, – заметила Агнеса таким тоном, словно ставила это Максу в самую тяжкую вину.

– Мне тоже казалось, что он много старше, однако он очень расторопен и аккуратен. Назначив свой визит ровно в девять, он с последним ударом часов был уже у нас в коридоре. Не понимаю лишь, почему опаздывает господин советник. Его, должно быть, где-нибудь задержали, ведь он тоже хотел быть здесь в это время.

– Доктор говорил с папой. Как ты думаешь, Христина, принимать прописанное им лекарство?

– Конечно! Ведь ради этого только и пригласили доктора. Попомните мое слово, он поставит вас на ноги.

Была ли Агнеса того же мнения – вопрос остался открытым. Она взяла рецепт и стала внимательно читать, затем, отложив его в сторону, серьезно произнесла:

– О, если бы он не был таким безбожником!..

Сходя по лестнице, Макс встретил пожилого господина, подымавшегося по ней. Он был в золотых очках, держал в руке палку с позолоченным набалдашником и имел очень важный вид. Макс остановился и посмотрел ему вслед.

– Держу пари, что это мой почтенный коллега отправляется на визитацию. Пусть теперь поломают себе голову, кто отбил у него пациентку из-под самого носа. Затем представляю себе досаду этого напыщенного, свехлояльного советника, когда он узнает всю историю и прочтет на рецепте мою подпись! Хотелось бы мне представиться ему теперь в качестве его домашнего врача!

Этому роковому желанию суждено было осуществиться: у подошвы замковой горы Макс столкнулся с Мозером, который по долгу службы проводил его превосходительство и теперь возвращался обратно. Едва лишь его взгляд упал на сына революционера, как он выразил явное намерение избежать встречи, но молодой врач заступил ему дорогу и с величайшей учтивостью проговорил:

– Очень рад снова видеть вас. Я только что от вашей дочери.

На этот раз лицо советника буквально выскочило из галстука.

– От моей дочери? – повторил он.

– Да, именно. Могу успокоить вас, положение вашей дочери не опасно, хотя она больна и нуждается в очень заботливом уходе. Правда, она очень нервна, но...

– Да как вы попали к моей дочери? – воскликнул Мозер.

– Но при надлежащем режиме это пройдет, – продолжал Макс, не обращая ни малейшего внимания на восклицание советника. – Пока я прописал ей лекарство, от которого ожидаю хороших результатов, а через несколько дней навещу вас снова и посмотрю больную.

– Но я ведь не приглашал вас! – растерянно сказал Мозер, у которого от всего слышанного стала кружиться голова.

– Извините, меня пригласили, – возразил Макс, – спросите сами у госпожи Христины. Повторяю, я очень надеюсь на прописанные лекарства и послезавтра приду снова. Прошу без благодарностей, господин советник, всегда готов с большим удовольствием! Благоволите передать мой привет вашей дочери. До свидания!

Мозер несколько секунд стоял, как статуя, а затем торопливо зашагал к своей квартире, надеясь там найти разрешение этой загадки.

А Макс Бруннов, улыбаясь, направился к городу.

Глава VI

Весь второй этаж губернского правления был ярко освещен. Ежегодно в день рождения государя губернатор давал банкет, на который собиралось все высшее общество Р. и его окрестностей. В этом году после обычного приема был назначен еще бал. Нововведение объяснялось главным образом присутствием баронессы Гардер и ее дочери. Известие о губернаторском бале, конечно, было встречено самым шумным одобрением р-ских дам.

Было еще слишком рано для съезда гостей, но комнаты уже сияли огнями, и слуги собрались в вестибюле дома. Габриэль закончила туалет намного раньше матери, все еще продолжавшей испытывать терпение своей горничной внесением в наряд то тех, то других изменений. Поэтому молодая баронесса вошла одна в небольшой салон, которым начиналась анфилада парадных комнат.

Главную стену салона украшал портрет в тяжелой золоченой раме; он изображал покойную жену барона и был написан одним из лучших художников. Однако и его искусная рука не сумела оживить довольно приятное, но совершенно апатичное и неодоухотворенное лицо баронессы, только гордая осанка и роскошный туалет ненадолго останавливали на себе внимание зрителя. При сопоставлении этого портрета с незаурядной, энергичной личностью барона была ясно видна вся глубина нравственной бездны, лежавшей между супругами, и невозможность для них какого бы то ни было сближения.

Габриэль остановилась перед портретом и все еще стояла перед ним, когда отворилась дверь, ведущая из парадных комнат в собственное помещение барона, и показался он сам. Равен был в полной парадной форме, и богато расшитый придворный мундир с широкой орденской лентой через плечо делал его фигуру еще представительнее. Он подошел к молодой девушке.

– Ты уже готова, Габриэль? О чем ты так задумалась, стоя перед этим портретом?

В его последних словах звучало нескрываемое неудовольствие.

– Я была удивлена, найдя здесь портрет тети. Разве у тебя нет места для него в твоих собственных комнатах?

– Нет! – коротко, но решительно отрезал барон.

– Но ведь эти комнаты открываются всего лишь несколько раз в году. Почему ты не повесишь портрет в своем кабинете?

– Ради чего? – холодно спросил барон. – Твоя тетка никогда не заглядывала туда. Я приказал перенести портрет в эту гостиную, где он более уместен. Как тебе понравились парадные комнаты замка?

Этот внезапный переход ясно показал, как неприятен барону предмет разговора. Он без церемонии взял Габриэль под руку и направился вдоль анфилады комнат, чтобы показать и объяснить ей, что в них заключалось интересного. В распоряжение губернатора было предоставлено поистине княжеское помещение, которому вполне соответствовала старинная роскошь убранства. Богато украшенные стены и лепка потолков, глубокие оконные ниши и высокие мраморные каминные откосы относились к былым временам замкового великолепия. Все это было оставлено в прежнем состоянии, но дополнено дорогими шелковыми и атласными обоями, тяжелыми бархатными драпери и портьерами, мебелью с богатой позолотой, и при ярком освещении парадные комнаты производили поистине ослепительное впечатление.

Молодая баронесса Гардер была как будто создана для такой обстановки. Идя рука об руку со своим опекуном, она вся отдавалась восторженному созерцанию. Она довольно быстро справилась с недавним смущением, вызванным сценой у портрета, и снова по-прежнему непринужденно вела себя с бароном.

Встреча у «Ключа ундин» тоже была давно забыта, равно как и серьезное настроение, вызванное ею. Габриэль сразу заметила, что с того самого дня барон стал очень добр и предупредителен по отношению к ней. Сегодняшний бал, по его словам, он тоже устроил лишь с целью «дать наплясаться одной паре ножек, падкой до танцев». Это было невероятно: ведь на свои торжественные приемы он всегда смотрел, как на тяжелую обязанность, налагаемую этикетом! Но Габриэль привыкла к тому, что ее баловали все окружающие, и потому последнее обстоятельство не бросилось ей в глаза. Она приняла любезность своего опекуна так же, как прежде принимала его строгость, – с легкомыслием и резвой шаловливостью ребенка. А сегодня ее мысли были заняты исключительно предстоящим балом, и все остальное отступало на задний план. Она не переставала шутить, и ее звонкий смех то и дело нарушал торжественную тишину комнат.

Равен был по обыкновению серьезен и молчалив, но с удовольствием слушал болтовню Габриэли, время от времени окидывая взглядом свою юную спутницу. В этот вечер Габриэль была еще очаровательнее, чем всегда, в своем воздушном белом платье, отделанном цветочными гирляндами. Ее белокурые волосы украшал венок из живых цветов, и во всем ее пленительном облике, дышавшем очарованием и свежей прелестью, казалось, ожила сказочная фея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.